



СМЕНА

10
1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

У ПАМЯТНИКА

Красное солнышко
в самом зените,
а на планете
у памятника Пушкину
на теплом граните
грекются дети.

Греется девочка
в плащице синем,
в лентах косицами.
Что же ей грезится
поднимен весенним
в центре столицы?

Девочке видится
чудная сказка:
за поворотом
деревце выросло,
стрижное ветало
перед народом;
дом поднимается
выше и выше —
многоэтажный,
голубь развалку
ходит по крыше,
погодий и важный.
И пред громадной
светлого дома
и перед липкой
ветвью садовод,
и бетонница встала
с ясной улыбкой,
и, наслаждаясь
снова и снова
мирной весной,
Пушкин шагнул
с постамента кругого,
плаки за спину.

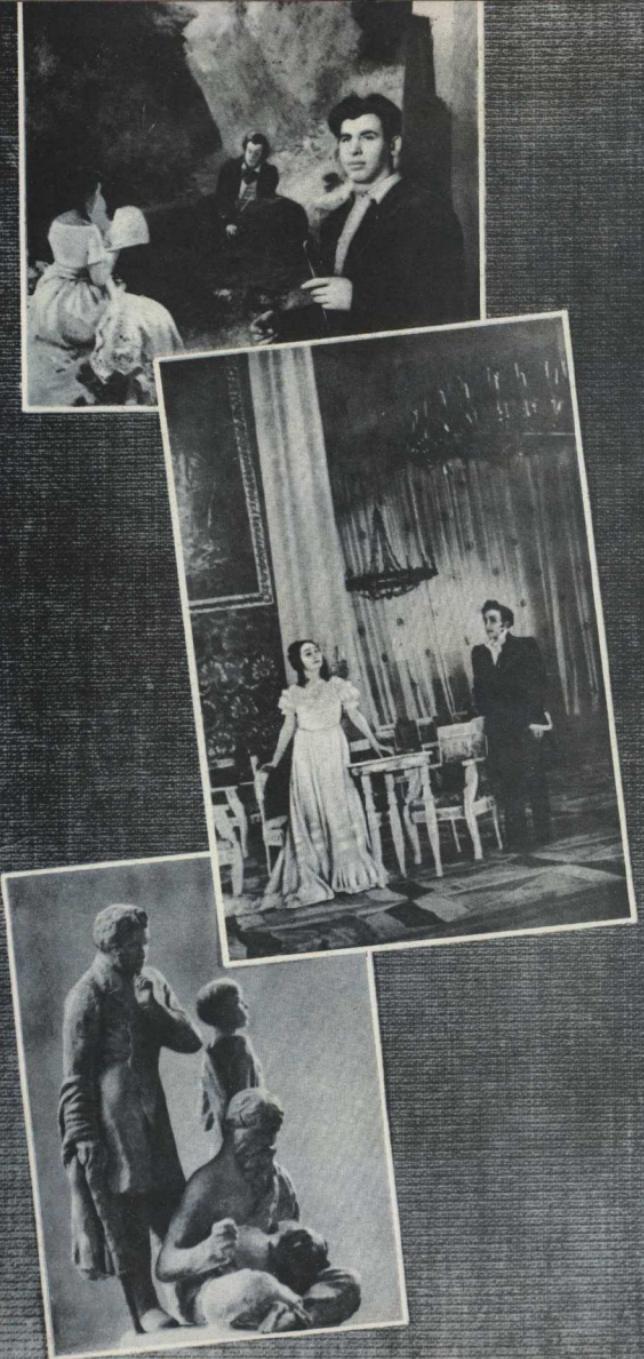
— Здравствуй, — сказал, —
незнакомое пламя! —
взрослым и детям.

— Здравствуй, — сказал, —
белокаменный город,
лучший на свете!

Тихо на площади.
Замерли дети
на пьедестале.
Перед поэтом
в серых шинелях
юноши встали.

Однополчане,
в путь собирая,
их попросили:
— Передавайте
наши приветы
милой России.
И поклонились
Пушкину, братцы,
от гарнизона,
что за границей
мир охраняет
в мире бессонно!

Во всех углах необъятной нашей
Родины художники скульпторы,
архитекторы, рисовальщики
 воплощением образа Пушкина в
искусстве. На снимках (сверху
и внизу) художник из Краснодара
татьяна картины «Пушкин в Гурзуфе»:
слева: из «Евгения Онегина»
в поэтическом трактовании и белом пиджаке
Абая; эсминца скульптурной группы
«Пушкин слушает синантроп» (де-
рево) работы Л. Кардашова.



1799

1949



Рисунок И. Жукова

...Мой друг, отчизне посвятивши
Души прекрасные порывы!..

А. С. ПУШКИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май. № 10, 1949 год

Год
издания
25-й

Здравствуй, Пушкин!

Советская молодёжь вместе со всем народом Союза Советских Республик с необычайным размахом и радостью отмечает 150-летие со дня рождения великого национального поэта, гения русского народа Александра Сергеевича Пушкина.

Ленин и Сталин воспраздили советскую молодёжь свободолюбивой, жизнерадостной и творчески мыслящей, умеющей опережать время для пользы своего народа. Именно поэтому нашей молодёжи особенно дорог Пушкин, опередивший свое время на целую эпоху. К новой молодёжи нашего времени обращался великий поэт, когда писал:

«Здравствуй, племя младое, незнанное...»

Так здравствуй, же, дорогой наш Александр Сергеевич! Здравствуй, родной и любимый поэт наш! Здравствуй, слава наша и национальная гордость! Мы любим тебя горячо и нежно прежде всего за то, что ты для нас всегда живёшь!

Советская молодёжь имеет основание сказать:

— Пушкин живой, он наш, он сейчас с нами. Разве можно его считать человеком того чёрного и злого времени, когда он жил?! Его теснила узкая жизнь, тут тупой и горьковат поры, и его могучий луизианский гений вышел далеко за её пределы. Он наш человек, наш современник, наш товарищ, наш друг. Его отголоски — величественные, правдивые слова о свободе и разуме — наши, советские слова — слова жизни, жизненных делом. Время наше светлое, радостное, бодрое. Идеи — великий стилистический коридор к коммунизму. И с нами — наш любимый поэт, его горячие стихи, его глубокие мысли и волнующие чувства, его светлая жизнерадостность и огромная человечность.

Висарион Белинский, раскрывший миру великого русского поэта, пророчески предсказывал, что придёт время, когда Пушкин «будет из России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство». Время это пришло. Его завоевали в боях наши отцы и старшие братья. И Ленин и Сталин научили любить своим руками счастье для своего народа. Социалистическая революция, освободившая народом Россию от пут капитализма и капитализма, прибрала к нам и Пушкина — пеща свободы, великого борца за национальную культуру России.

Из воспоминаний Н. К. Крупской мы знаем, что бессмертный Ленин высоко ценил пушкинскую литературу, «больше всего любил Пушкина». Мы знаем, что товарищ Сталинставил им Пушкину в первом ряду великих имен, составляющих гордость и славу русской нации. В архивах ИМЭЛ сохранились документы, на которых видно, с каким интересом изучал Пушкин и Энгельса. Они специально составили подборку стихов к «Евгению Онегину» и изучали в дальнейшем этот непревзойдённый шедевр русской поэзии.

Но именно потому, что Пушкин неизменно дорожил нашему народу, нашей молодёжи, заявляя враги не раз пытались отнять у нас Пушкина. Пытались это делать царские сатиры, десигнаты скрывавшие от народа подлинные строки вольнолюбивых пушкинских стихов. Пытались это делать фашистские варвары, грабившие во время войны наши библиотеки и сжигавшие в своих кострах творения Пушкина. Пытались это делать безродные комсомолисты от литераторов-выдвиженцев советской национальной культуры. Они хотели убить Пушкина, пытаясь представить его как поэта, воспитавшегося на чужеземных влияниях. Дворянская шайка в годы с царём и с помощью чужеземцев сумела физически убить поэта. Но нет той силы, которая способна была бы отнять у нас творения Пушкина! Мы из числа людей, «не помнивших родства». Мы гордимся тем, что Пушкин входит золотым фоном в аренду мироздания. Но мы ещë больше гордимся тем, что Пушкин, гордимся тем, что Пушкин — наш национальный поэт. Советская молодёжь гордится тем, что Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа... В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Мы гордимся тем, вдруг народ борьбы за Пушкина. Её Герои утверждают неоспоримо превосходство Пушкина над всеми представителями западной цивилизации. Это превосходство величия просвещения демократ усматривал в том, что Пушкин олицетворяет собой музейнический и умный народ, верящий в свою силу. «Пушкин», — писал он, — знал все страдания цивилизованного человека, но у него всегда вера в будущее, которой человек Запада уже лишился».

Только национальный гений, каким был Пушкин, мог в условиях мрачной царской России видеть на сто лет вперед и верить, что «Рос-

сия вспрянет от сна». Пушкин верил в это потому, что он страстью жалел этого, потому, что его бесценнее сердце и богатый ум понимали величие национального духа русского народа. И любовь к нему на любой подвиг во имя Отчизны. Вот почему не сомневался Пушкин и в том, что, если свой ярок, пробуждающий добрые чувства и вселавший свободу, он долго будет «люблен народом». Одну только говарившей могли бы внести советские люди в эти строки пушкинских стихов: «...и вечно вечно вечно вечно...». Да, всегда будет великий наш поэт люблен народом. С каждым днём приближается наша страна к изобилию духовной культуры, к коммунизму. А это значит, что с каждым днём творения Пушкина будут все глубже проникать в толщи народа. Ведь только в текущем году к 150-летию юбиляра в СССР издаётся более трёх миллионов экземпляров книг Пушкина. Вспомним при этом, что за все 23 года литературной деятельности поэта при жизни не было издано ни одного собрания его сочинений. Но и теперь в результате исключительной энергии друзей Пушкина удалось, после долгих лет ожидания, выпустить первое собрание его сочинений тиражом в 13 тысяч экземпляров.

Когда в 1890 году исполнилось столетие со дня рождения Пушкина, царская буржуазно-помещичья Россия сделала вид, будто отмечает пушкинский юбилей. Это было наглым осквернением памяти поэта. Что может быть красноречивее следующей выдержки из отчёта заседания Белгородской городской думы! Когда один из «членов города», какой-то купчих или промышленник, предложил отпустить — так и быть! — на празднование юбилея 35 рублей, другой гласный думы, Макунин, затронул тему Пушкина? Какой там Пушкин? Мало ли какие там есть Пушкины... Пушкин! Пушкин! И что такое Пушкин?! Отказать? Так «отмечали» буржуазно-помещичью Россию юбилей национального гения своей страны.

Торжества, посвящённые 150-летию со дня рождения Пушкина, являются звуком демонстраций того, что в борьбе за великого русского поэта победил наш народ, победил большевизм — закономерное наследие всей русской культуры и культуры других народов СССР.

Пушкин принадлежал к тому же типу ялужных людей своего времени, разбудить народ» (Ленин). Потом Пушкин и признан поэтом народным, что творчество его выражало передовые тенденции эпохи, служило народу в его борьбе за счастье. Будучи сыном своего времени, Пушкин гордился не столь родословной, сколько тем, что принадлежит к великому русскому народу. Прогрессивные деятели России, независимо от сословий, были для Пушкина куда более дороги, чем любой представитель высокопоставленной знати. Он писал: «Еёmina Минина и Ломоносова вдвойне превосходит, может быть, все наши сословные родословники».

Имя Пушкина вызывает и будет вызывать у советских юношей и девушек благородное чувство патриотизма и национальной гордости. Советская молодёжь высоко ценит Пушкина как родонаучальника русской литературы; она любит и ценит его за то, что он обогатил нашу культуру превосходными необычайно художественными сказами; за то, что он — великий русский литературный язык, раскрыв его неисчерпаемые богатства, пленительную красоту и музыкальность. Советская молодёжь гордится любят Пушкина за то, что гений его угадал высокое историческое назначение спаси России; за то, что он верил в русскую революцию, верил в братскую дружбу народов России, в то, что они, «распятый позабыт, в великую семью соединится». Советская молодёжь, воспитанная Лениным и Сталиным в духе отваги и верности долгу, не могла не любить Пушкина за то, что он воспевал крепкую отвагу русских людей, их свободолюбие и гордость, готовность к самоожертвованию и пропаганду которых во имя победы над врагами Отчизны. Наша молодёжь подобкова Пушкина за то, что он был великим патриотом Родины и инсенировал ей аргач; за то, что он учил русских людей гордиться Москвой — сердцем всей России.

Советские дяди испытывают необычайную гордость за свою социалистическую деревню, которая, как никто и никогда в мире, умеет заботиться о своих сёманах отдавать заслуженную дань света и счастья своим прекрасным людям. Только в свободной, духовной, богатой стране, какой является СССР, юбилей национального поэта сможет стать поистине всенародным праздником.

Поэтому вся молодёжь великой нашей Родины — от «хладных финских фингалов до племянника Колхиды», — уже сегодня видящая светлые контуры коммунизма, с радостью повторяет слова любого поэта: «...и занят в груди свободы, во мне не дремлет дух великого народа».

Пушкин относился с глубоким уважением к славным предкам нашего народа. «Гордится словом своих предков», — писал А. С. Пушкин, — не только можно, но и должно. Мы не забыли этих своих слов. Александр Сергеевич! Ты — наша гордость и слава!

Глеб СЕМЕНОВ

В ЭВЕНКИЙСКОЙ

ШКОЛЕ

Нерукотворный памятник
Мы хотим говорить
Что ты, великий Пушкин,
Самшин, наша песни.

Звени А. Платонов.

Чудесный чум — просторный дом
Из брёвен чуть не в три обхват.
И вот сегодня в доме том
На партер замерли ребята.

Учителя, тоже сам скучают,
Читают им стихотворенье,
И сорок восьмь узких глаз
Раскрыто шире от волнения.

Полярный мрак в окно глядят.
Тайга над крышикою гудит,
Как самолёт многомоторный.
А памятник нерукотворный
Встаёт над землянками,

торной
Тропой народного обет.
Учитель старше стал на вид.

Дойдя до слов «и иные дикий...»,
Он улыбается чуть-чуть.
— Товарищ Пушкин, погляди-ка
И с нами вместе гордым будь!

Войдя, наши Пушкины, в дом чудесный,
И мальчик, выбежав к доске,
Тесом стихи ответил песней
На эвенкийском языке!

Ленинград.



Иван НОВИКОВ

ТРУДЫ и ДНИ

ОТРЫВОК ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

А. Пушкин.

«Труды и дни» — так обозначают хронологическую канву для биографии большого человека, великого поэта: такие отметки перечисляют события жизни и сопутствующие им произведения. Обычно при этом имеются в виду уже зрелые художники слова. Но если мы применим этот термин как заглавие для лицейской главы поэту, только еще формирующегося, то потому, что основное событие этих лет, когда Пушкин пребывал в лицее, было не какое-либо событие из его личной жизни, а одно из величайших событий в жизни всей страны — это 1812 год и тот неизменный подъем, который Пушкин, погруженный в лирику народла, одновременно с остальной Европой, возглавляемые к тому же таким ярким полководцем, как Наполеон. Несомненно, что в Пушкина, гениального мальчика, эта волна подняла на свой гребень и во многом определила его творческое лицо: близость к родному народу и страстное желание добьтъ для него достойную его свободную жизнь.

Конечно, и для такого воздействия необходимо было известное время, оно не могло сказать немедленно, да и самому Пушкину, несмотря на то, что развивалось он с исключительной быстротой, надо было еще превратиться из мальчика в юношу. Еще позже, в 1820 году, в другой огромное событие — это 1830 год — и на этот раз и в собственности его было движение первых наших революционеров — декабристов. Оно также имело на него исключительное влияние, но в соответствии с самим характером события не столько возникло из новых блестательных высот, сколько открылось перед ним новые глубины человеческого духа и заставило настойчиво размышлять о исторических судьбах России. Соответственно и в творчестве: лирика уступает место поэмам, поэмы уступают место прозе — и современной и исторической.

Но пока до всего этого еще далеко. И, однако же, вторжение Наполеона не могло не потрясти юных лицеистов. И именно об этой поре у позднего Пушкина (1836 год), воспоминающего лицейские годы, есть замечательные строки. Вот самое открытие лицеи:

Тогда громко звучало в городе
Еще Наполеон
Не испытав великого нарада —
Еще грозил и козябился он.

Слишко события не заставили себя ждать. Наполеон, после долгих раздумий и сомнений, решился наконец на этот роковой для него шаг.

Двадцатого июня 1812 года главные силы наполеоновской армии переправились через Неман, а в свою очередь и Россия пришла вся в движение и единодушно готовилась к могучему отпору:

Вы помните: текла за ратью рать.
Со старшинами мы братьями прощались
И в сени наук с досадой возвращались.
Завтра в бою сражаться
Шел мимо нас... и племена сражались,
Русь обилье начинного врага.
И таинственный враг, сражаясь, сражалась
Его полкам готовые снега.

Сохранились любопытные строки воспоминаний одного из лицейских товарищей Пушкина, Малиновского. Он подтверждает, что было именно так, что после проводов одной из таких русских ратей «воспитанники до того одушились патриотизмом, что, готовясь к французской лекции, побросали грамматику под лавки, под столы».

26 августа пред селом Бородино, Московской губернии, произошла великая битва народов. В своем стихотворении «Бородинская гощовиня» (Бородинский Альбом) С. Соловьев пишет: «Но где же Европа тут была?» Но где же мы противостояли твердости, и краин был неравен спору. Так с изумительной точностью, ища внутренней правды истории, Пушкин как бы извещает обе столкнувшиеся сны... Но он не бесстрастен. В ту пору, как он писал эти строки, французы опять грозили войной России, и тотчас после приведенной выше почти математической формулы Бородинской битвы позади обрушивается с сокрушающей силой на новых охотников повсевечер:

И что же! свой бессинный побег,
Киньши они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег.
Погребли спасли их в пыль.
Зимний ветер их вонзил в окно —
Хмельный для них славиной крови;
Но тинко будет им покоялье;
Но хладом будут они сидеть;
Но темном, хладном новоселье,
Под занавесом северных полей!

Это очень характерно, между прочим, для Пушкина: в прошлом идет он только правда, но эта же самая правда обретается в его руках в действенное оружие сегодняшнего дня.

2 сентября Наполеон занял Москву. Но столица была пуста. А потом начались пожары, и император французов должен был покинуть Москву уже в октябре. Оккупация Москвы продолжалась всего месяц с небольшим. Кутузов с боями повернулся наизад, а русский народ превратился в массу беспомощных спасителей в жгучих беженцев-побежденных. К Новому году России были совершенно ощещены от врага. Пушкин всю жизнь помнил эту висячую голову. Глубоким чувством исполнены его стихи перед гробницей Кутузова (1831 год):

В твоем гробу восторг живеет
Он русским языком говорит.
Он нам творит о той године,
Когда народной веры глаш
Богомыслие и святотиши сенине.
Иди, скажи! Ты встай, ты вспомни!

Пушкин сам позже сказал, что эти стихи «искренние и излиянные из души». В той же замечке, напечатанной в журнале «Современник», издававшемся Пушкиным, всего за какой-нибудь месяц до роковой дуэли он писал о Кутузове: «Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: «сласитель России» его памятники: скамейки святой Елены! Им же его не только священо для нас, но и должны мы с ним разделываться, мы, русские, что оно значи Русским звуком!». И далее в той же статье: «Одни Кутузовы могли предложить народу сражение, одни Кутузовы мог отдать Москву национальною, одни Кутузовы могли оставить народному мудром, деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на покорении Помпеи, и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовы одни облечены были в народную доверенность, которую тащил как одуванчики! Золотые слова!».

Нужно также отметить и стихи Пушкина «Полководец», где, не называя его по имени, Пушкин воздает должное другому полководцу 12-го года — Барклай-де-Толли — «вождю, забытому Жуковским». Помимо того, что это стихотворение также является откликом на «великих 1812 год», они оченьよく выражают характерную одну замечательную и благородную черту самого Пушкина — поэта, человека и гражданина. Пушкин был всегда способен к самоантиподичности и поднял голос поэта именно во имя спасительности. Через него, или через него, или через него «Полководца» (в 1833 году), Пушкин в другом стихотворении — «Художнику» (1836 год) — дал основную свою мысль со спасительным ему великолепным лаконизмом — всего в одной стихотворной строке: «Здесь начинается Барклай, а здесь соприятели Кутузова».

Мы сознательно оставляем пока в стороне самые ранние патриотические стихи Пушкина — «Воспоминания в Царском Селе» — до той привычки, что биографически они связаны не только с событиями 12-го года, но и с весьма значительным событием в жизни самого Пушкина. Стихи эти были написаны по настоянию профессора Галича для публичного экзамена в лице в 1815 году. Самые стихи были написаны в конце 14-го года, их предварительно давали читать министру народного просвещения графу Разумовскому, и при них же читали их на репетиции — за неспособностью читать эти стихотворения, написанные приподнято, в стихах XVIII века, дерзко и открыто, однакож же с определенным валинием «Слова о полку Игореве», молодой поэт главный свой пафос отдал всей той же Отечественной войне 12-го года, и истинной поэтической находкой звучит хотя бы ответ на его собственный вопрос, где же теперь Наполеон:

Ищечь, как утром страшный сон!

Но особенно памятным это выступление осталось Пушкину тем, что его слушал сам Гаврил Романович Державин, генеральный поэт предыдущего века. Пушкин записал об этом знаменательном для него событии: «Державин видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в лице. Как учили мы, что Державин будет к нам, все мы взмолнивались. Дальяв высокочая на лестнице, чтобы дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написанную «Водоложем». Державин был очень стар. Он был в мундире и в плюсовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, поклоняясь голову руками. Лицо его было бесмымлено; глаза, мутны, тубы этические, как будто представители он в колонке и халате, очень похож. Он драмал за то место, которое называлось «важность в русской словесности». Тут он окончился, глаза заблестели, он начал спать. Разумеется, читаны были его стихи, разбрзгиваясь его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он спал с живостью необыкновенной. Наконец нызывали меня. Я прочёл мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминался имя Державина, голос мой отческий зазвенел, а сердце забилось с упомятальным восторгом... Не помню, как я кончил свою чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня звал, хотел меня обнять. Меня искали, но не нашли».

Стихотворение, о которой здесь упоминает Пушкин, кроме Державина, находит в другой поэт восемнадцатого века, Петров, много менее значительный, но зато обним им в параллель идут такие знаменитые военачальники, как Орлов, Румянцев и Суворов. Понятно, что Державина не могли не взводить такие проникновенные строки:

Их смысли поднимали отрады дивили мир;
Державин и Петров героям песнь брызгали
Струнами громозвучных лир.

И. И. Пушкин в записках своих о том же экзамене вспоминал об этом чтении Пушкина с большим волнением: «Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушаки знали стихи, мороз по коже пробегал у меня. Когда же патриархи наших певцов в восторге, со слезами на глазах, слушали поэта и осеняли кудрявую его голову, мы все, под каким-то недоведом вспыхнули, благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его уже не было: он убежал».

Пушкин вспоминал этот вечер двадцать лет спустя,

Пушкин — и это позже, поэтому в подробностях воспоминаний есть некоторые расхождения, но в основном, напротив того, полное совпадение, а даже как раз то, что подробности в двух молодых воспоминаниях несколько спутались, лишь подтверждают то основное, что выражается понятиями «восторг», «в силах описать состояние души моей», «мороз по коже», «благоговейно молчали» и другими подобными. Такие же чувства волновали и самого Гавриила Державина. По одному свидетельству, растроганный, он сказал: «Я бы плакал». Но другому, кажется, напомним, уже прочти эти самые стихи в печати: «Вот я в зале Державина, — в парадном обедоном после этого экзамена министр Разумовский сказал отцу поэта Сергею Львовичу Пушкину: «Я бы плакал, однако же, образовать сына такого в проэсе», — и опять Державин с жаром отвечал за отца: «Оставьте его поэтом!»

Пушкин не раз в стихах своих вспоминает лицей, и не обязательно только в лицейскую годовщину, 19 октября. Это воспоминания обобено первыми лет:

В те дни, когда в садах Лицей
И безымянно расцветал,

или как много лет спустя, снова попав в Царское Село, ощущает себя
Вновь незванным отром, то пыльным, то ленивым —
Мечтанным смутные в груди мои тай..

Но также не один раз вспоминает он и эту встречу с Державиным, для него незабываемую.

Поэт говорит о том самом знаменательном для него дне, когда его муза впервые выступила в свет:

И свет ей с ульбкой встретил:
Успех нас первый орызил:
Старину Державин нас заметил
И, громко сказав благословил.

Первое стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу» — появилось в печати ещё в 1814 году в журнале «Беседа». Но это, конечно, не оно, как и все вообще первые печатные стихи Пушкина, было подписано псевдонимом «Фигаро», и долгое время единственным стихотворением (среди 24 стихотворений), подписанном полным именем — Александр Пушкин, — были эти самые «Воспоминания в Царском Селе», появившиеся в печати 17 апреля 1815 года в журнале «Российский Музей» со следующим характеристическим примечанием: «За доставление его первого стихотворения искренне родственников молодого Поэта, которого талант так много обещает». А ещё через два года, в 1817 году, то же самое стихотворение было перепечатано в «Сборнике образцовых Русских стихотворений», стихи же из «Слова о полку Игореве» издававшемся Обществом любителей отечественной словесности. Выходивший в предыдущем томе этого же издания, познавалось также перепечатанное стихотворение Пушкина, уже известное нам, — «Наполеон из Эльбы». Таким образом, молодой поэт становится известным читателю публике.

Однако ещё до появления в печати этих стихи, читанные на экзамене, уже в некоторых кругах были известны в списках. Во всяком случае, и другой крупнейший поэт того времени, Василий Андреевич Жуковский, в начале 1815 года находившийся в Москве, также отозвался с большой познанием о «Воспоминаниях в Царском Селе».

С отъездом из Москвы Пушкин вспоминал о своей родственнице об этих стихах и говорил: «Вот у нас настоящий поэт!». Осенью того же года Жуковский писал: «Пушкин в лице и подарил ему только что вышедше в свет первое издание своих стихотворений. С сохранившимся отрывком из дневника Пушкин записывает кратко: «Жуковский дарит мне сакси стихотворение». Возможно, что было и какое-либо ещё посвящение Жуковским молодому Пушкину, о котором он отзывается уже совершенно восторженно».

Но там же писал дар в зале любви священный?
Могу ли забыть я час, когда перед тобой
Безмолвия и стыда, в молчанье струй
Души и вспоминаний дарил я тебе
И твой съединясь, в восприятиях пламенея..

На старших курсах лицеисты пользовались большой свободой. У одного из царскосельских жителей был домашний театр, куда допускались и лицеисты: новый директор лицея, Энгельгардт, вступивший в должность в марте 1816 года, стал вообще разрешать отпуска из лицея в пределах Царского Села, а кроме того разрешил также вечеринки и у себя. Пушкин, однако, у него бывал очень редко, но зато сёбя близко знакомство с офицерами гусарского полка, стоявшего в Царском Селе. Там было уже совершение иная атмосфера. Наряду с буйными проказами проносились и военные, «возмутительные» речи. Наиболее крупной фразой среди этого офицерства было действительно замечательное чудо: «Пётр Яковлевич Чайковский — это купец, а глубоко образованный и оригинальный мыслитель. Через несколько лет в нём вспыхнет мрачный пессимизм во взглядах его на Россию, и путь их с Пушкиным резко разойдётся». Но в ту пору Чайковский был истинно первым человеком своей эпохи, и имел он на Пушкина исключительное сильное и благородное влияние. Близости их между собой можно судить по стихотворным посланиям к нему Пушкина.

Как раз в 1816 году был положен начало среди столичной офицерской молодёжи тайному политическому обществу — «Союзу спасения», целью которого являлись: конституция вместо самодержавия, гражданские права и притяжение крепостного права, «освобождение крестьян» и т.д. Друг Пушкина, Иван Иванович Пушкин, был привлечен к этому обществу. Пушкин, впрочем, об этом ничего не говорил, но вскором, о чём он пророчал: «Он (т. е. Пушкин) всегда согласно со мной мыслил о деле общем...». Чайковский также в тайном обществе не состоял, но был самым близким образом связан с первыми поклонниками будущих декабристов — Никитой Муравьевым и Пестелем. Он был великолепный оратор, а глубокая его убеждённость в том, что он говорил, делала речи его неограниченными. В частности для Пушкина, как выражался один его современник, он был более, чем весь лицей.



Картина М. Е. Репина. 1911 год.

Пушкин на инсценировке ате.





Люблю тебя, Петра творенье,
Невы державное чечекой,
Береговую её гранит,
Твоих оград изумор чугунный,
Твоих задуманных кочей
Прозрачных сумраков, блеск беззлунный.
Когда я в комнате моей
Пашу, читая бес лампады,
И ясне спящие грозды
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская изда,
И, по пускай тьму ночную
Но золотые небеса,
Одна зора сменит другую
Слезши, дар ночь полчаса.

А. С. Пушкин „Медный асадик“.

Ленинград. Цветное фото И. Шагина

ОБ АМЕРИКЕ

ОТРЫВОК ИЗ СТАТЬИ «ДЖОН ТЕННЕР» В «СОВРЕМЕННИКЕ». 1836 ГОД

С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические пронесения тому виной: Америка спокойно совершила свое поприще, ложе, безопасная и цветущая, сияющая миром, упроченным ей географическая ее положением, гордая своим учреждением. Но несколько глубокий умов в недавнее время занялись исследованием прав и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном виде, и неудивительно, что в ее неестественному природе. Всё благородное, бескорыстное, все воспоминающее душу человеческую, подавленное неумышленным эгоизмом и страстью к довольству (Comfort)... растрачено негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющие двоякости: со стороны избирателей личности и зависти; со стороны управляемых робости и подобострастие; гладят, изувечивают к развеселю, принужденный к добровольному острастям; богач, надевающий оборванный кафтан, добы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презирающей: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами.

Отношение Шаттона к индийским племенам, древним владельцам земли, языне заселенной европейскими выхodами, подвергнутое также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, веяла и бесчеловечие Американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, чрез меч и огонь, или

от рока и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Но некий избранный, закон, Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и простираемые степи, несознанные реки, на которых сельмы и стrelами добывали они себе пищу, обращаются в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где здымываются присланные и развозятся флаги американской.

Правы Северо-Американские дикаря знакомы нам по описанию знаменитого романа. Но Шаттоайн и Купер оба представили нам индейцев с поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. «Лисари, выставленные в романах», — пишет Вашингтон-Ирвинг, — «так же похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастушки на пастухов «быковиненных». Это самое подозревали и читатели, и недоверчивость к словам замыкаемых повествователей уменьшила удовольствие, доставляемое им блестящими произведениями.

В Нью-Йорке недавно выданы «Записки Джона Тенниса», предположенного приятеля в пустынях Северной Америки, между дикими обитателями. Эти «записки» драгоценны во всех отношениях. Они самый полный, и первотоочный последний, документ бытия народа, коего скоро не останется и следов. Летописи племен безграмматных, они раздвигают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека, показания простодушные и бесстрастные, они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации...



Автопортрет.

НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Белинский о Пушкине

В знаменательные дни, когда наша страна торжественно празднует 150-летие со дня рождения своего гениального поэта, советский народ, как и Пушкин, отмечает 150-летие со дня рождения великого сына России — Белинского, критика-революционера, который одним из первых определил историческое значение Пушкина для русской культуры, посыпал праздну и красоту пушкинского творчества и завещал будущим поколениям любить поэта, как славу и гордость народа.

Многие однини, давшие Белинским всему наследию и отдельным произведениям такое неизменно и проницательно-характеризующее творчество Пушкина, что иными выражениями и словами, кажется, и нельзя определить значение его творчества для всех времён и народов.

Замыслил написать «Критическую историю русской литературы» (1841 г.), В. Г. Белинский считал своим долгом прежде всего писать о Пушкине как о родоначальнике новой русской литературы.

Из мыслей он хорошо выразил в первой статье о Пушкине: «Чем более думали мы о Пушкине, тем глубже пронзревали в живую сознание с пренепониманием русской литературы и убеждались, что писать о Пушкине — значит писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские обясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей». Этой плодотворной и совершенно прямолинейной идеи Белинского нечастно было осуществлено в его последних работах. Попытавшийся первым русской литературе в лице самых лучших ее представителей представляется Белинским, как «заря предрасветная», когда «брзает искрой полумрак», «вали на небе как будто белеет полоса и в то же время догорают готовые погаснуть иочные звезды...»

«Пушкинская поэзия — в сравнении с деревянинской», — пишет Белинский, — это «богатство земли, богатство неба, богатство летнего дня: все предметы земи обарены светом неба и являются в своём собственном, спрятанном, искомом виде, и сама даль только делает все более поэтическими и прекрасными, а яложими и безобразными».

Конкретным анализом отдельных произведений поэт Белинский мастерски доказал, что Пушкин — «из русского языка сделал чудо». Не забываясь о своем языке, Белинский восхищается языком Пушкина, как олицетворением художественного, все силы русского языка явились в нём в удивительной степени, он искрен, сплодист, мягок, как ропот водны, тих и густ, как смола, ярок, как молния, прозрачен и чист, как кристалл, дуинст и благовонен, как веяния, крепок и могуч, как удар меча в руке богатыря».

И вместе с тем критик не отходит от историзма в характеристике роли и значения Пушкина, определяя все конкретное содержание пушкинского творчества духовным содержанием жизни России первых тридцати лет XIX века.

Пушкин «был сыном своего времени в полном смысле этого слова... — заявил Белинский... — ...он родился даже всем великим современным событиям, явлениям и мыслям, всмечу, что только могло чувствовать тогда Россия».

На классически сладостном разборе романа «Евгений Онегин» Белинский как бы проверял правильность связи великого поэта с духовной жизнью Родины, доказав, что роман Пушкина — «энциклопедия русской действительности», что «онегине» «мы видим поэтически воспроизведенную картину русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов

его развития», что в этом романе «сама жизнь, сама природа, сама история, сама культура, поэтика, идеала... Бессмертной залогой поэта Белинского считает то, что Пушкин ярко выражал общество, общественное самосознание».

Роман «Евгений Онегин» Пушкин вместе с «Горе от ума» Грибоедова явился «первым образом поэтического изображения русской действительности в обширном значении слова». Тем самым «Онегин» и «Горе от ума», справедливо утверждают, что «русская литература», «богата» последней литературой, была никоим образом не уступающей античной. «Горе от ума», из которой выпали и Лермонтов и Гоголь. Без «Онегина» был бы невозможен «Горький наше времена». «Горь» не почувствовал бы себя готовым к изображению русской действительности, исполненное такой глубины и истинности».

На творчестве Пушкина Белинский также обосновывает свою важнейшую утверждение: «Пушкин — величайший писатель, писатель, способный увлечь и содействовать обществу, заявив, что если есть «истинный», то он должен «чувствовать своему отечеству, разделить его наяды, болеть его болезнями, радоваться его радостям».

Наследники Пушкина прожле все критики обосновывают и свою уверенность в народности поэта, называемую Пушкина «первым великим народным поэтом».

Истинный талант «не может не быть народным», ибо «народный человек всегда национален, как его народ», потому он и велич, «что представляет собой свой народ».

Борясь с ложным взглядом о якобы национальной ограниченности поэта, взглядом, отрицающим мирное значение России, защищая мысль о мировом значении Пушкина, Белинский всё же видит главное достоинство поэта в том, что он, будучи «выражением современного ему мира, представителем современного

ему человечества», был прежде всего представителем «мира русского», «человечества русского».

Только при этом важнейшем свойстве Пушкин мог сделать то, что он сделал. Он не только «и на русском языке сдал чудес и создал «леумпарирующий тип русского стиха», но, главное, воссоздал историческую жизнь родной земли в «Борисе Годунове» и народный мятеж в «Капитанской дочке», а в романе «Евгений Онегин» показал новую, движущуюся мир лиц, мыслей, чувств, изображая в этом «алмазе» искусства замечательных героев, обозначавших эпоху духовного развития русского общества.

Белинский, борец за правду и верность изображения жизни в литературе, приветствовал и прославлял великий подлинник Пушкина, как основоположника художественного реализма. «Для истинного художника же жизни, там и познания», «Душа Пушкина пресыщена была прекрасною жизнью, которая не в книгах, а в природе, в жизни». «Что для прежних поэтов было неконо, то для Пушкина было благородство, что для прежних поэтов было познанием, то для него было познанием». Белинский писал коротко о самой жизненности поэзии Пушкина: обладающая им на высшей степени тактом действительности, чтобы критик считал одной из главных сторон художника. Реализм Пушкина с огромной силой свидетельствовал о народности поэта. «Познания Пушкина удивительно верны русской действительности, изображает ли он русскую природу или русские характеры: на этом основании общее горячее его русскими национальным, народным поэтом».

Правда поэзии Пушкина придаёт последней высокую национальную силу, облагораживает читателя. Пушкин — поэт, «кто кладёт на лицо жизни боли и румян по роже, кто даёт ей в естественной истинной красоте в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля». Поэтому поэзия Пушкина, — утверждал Белинский, — «не опасна юношеству, как поэтическая ложь, разлагающая воображение, дожь, которая ставит человека во враждебные отношения с действительностью» при первом столкновении с ней и заставляет беспримерно и бесплодно истощать свои силы на гибельную и нею борьбу». Неустанный Белинский указывал на эти достоинства Пушкина, раскрывая скрытую художественную правду на разборе сти-

хов, драматических произведений, поэм, романов и повестей своего великого старшего современника.

Руководствуясь принципами реализма, народ-

учести, во многом предвосхищая своих славных предшественников-публицистов шестидесятых годов — в лицу современной науки о литературе, завещав на благородную любовь ившую признательность к гению русского народа.

Белинский завещал нам непримиримую борьбу с посагающими на гордость русской культуры, разоблачая фальсификаторов из лагеря эстетов, формалистов, обличавших образ поэта лицензированными «исследованиями» в эпоху общественной реакции. Основы учения Белинского о Пушкине помогают нашему советскому целиком Белинского наследию увидеть немеркнущую красоту поэм русского гения и сбрить с пути грядущую ветою буржуазного ксомополитизма, пытающегося «совсем» недавно призвать Пушкина в глазах советского народа.

Пророчески звучат слова «исвестного Виссариона» о «вековечности» Пушкина. Надо было обладать великой силой духовного зрения, чтобы предсказать движение Пушкина в будущем. Критик писал: Пушкин «выльется вследствие будущих поколений». Пушкин принадлежал к «старым творческим гениям, тех великих исторических личностей, которых работая для настоящего, приуготовляют будущее». Прознавая величину исторической силы Пушкина, критик отнюдь не призывалась в бессловесном пении долгом писать о поэте, когда говорил, что сказать о Пушкине «не успеешь в целую жизнь». Он успел сказать о Пушкине самое главное и самое дорогое, определив, что поэзия его — «самый звучный и торжественный орган русского духа и русского слова» и что Пушкин «принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, на которых застали их смерть, но продолжают разрываться со временем и бытием». Пришло время, когда предсказание Белинского оправдалось, и Пушкин, великий классик русской и мировой литературы, певец народа, поборник свободы, просвещения, достоинства человеческой личности, стал участником образования и воспитания поколения строителей социализма. Дело поколения декабристов и их соратников Пушкина было продолжено боевым поколением революционных разночинцев, из которых первым был незабвенный «историк Виссарион».

Василий СИДОРИН

ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ...

В этом городе Мавзолей речи, чай вместе с солдатом, Небесное светло вело бело себя с темой, как известно, дружинским и запоючи чило с ним союз светлы — и никаких геод-дей!

Поэзия — выразительница: большой мечты, смелой мысли — ходит по этому маленькому городу, покоряя мечты пакхуминским, наивным, дымкой, сиреневым, розовым, сиреневыми строениями с обеих сторон железней дороги.

Поезд гулит по песчаным улицам, анури-ратским посёлкам, вспаханным полям, в горах комсомола, рекурит на фабриках, в этом городе живёт большая мечта. Та самая мечтательная.

Мой друг, отчина поэзии! души прекрасные порывы!

Та самая мечта, которая выросла за столетия и была оформлена другим великим мечтателем:

— Наши ряды...

Мы... наверно...

всёём!

В самый подень коммуны!

Каждый город начинается с мозаики. Это — будущее, это — будущее города Пушкино. В девятом классе средней школы хорошо знают, какими будут будущие и мечты. Есть один преподаватель, ученик Вадим Кротов, учится в 2000-ом. Его сочинение называется «Ни одна хороша». Ему необходимо видеть не только мечты, но и реальность. Идея коммунизма войдёт в наш быт, но и будущее столетие. Он думает о следующем столетии: там же, где сейчас живут люди, там же в веке великой мечтатель, именем которого назван город. Двадцать первый век хорошо видят, какими будут будущие и мечты. Но российский сад у школы он даже не знает, какими будут будущие и мечты песни будут петь тогда. Что вроде:

На Марсе мы были,
И в недра Нептуна

ПУШКИНУ

Кругом метель ревёт и стонет,
Затыкала сумраком поля.
В крутых сугробах взмокли кони
Морозной ночью февраля.

А сколько вёрст ёщё осталось,
Где монастыри и где село!
Метель на зло разшвыривалась,
Что даже днём не расслаблю...

Опасный грот нырял рогожей,
С ним медлень боязнь в пути.
Недаром в ночь, но безздоровью
Быстрой приказано везти.

И здесь надзор и окрик вражий.
Гонимый из России, он
Остался под жандармской стражей
В минуты тайных похорон.

Всё было скрыто, как хотели,
Для мертвого не жаль земли.
Но ни пригу и ни метели
К нему дorum не замели.

...Шумят Москва у пьедестала
Пред ним, великих к родным,
Она над миром эрхмо встала,
Воспетая стихом живым.

Стот он, гордый и мятежный,
Метели не играть плацом.
Он окружён любовью нежной
И солцем славы освещён.

Александр ФИЛАТОВ

ности, общественного смысла деятельности поэта, прогрессивным характером пафоса художника, Белинский сумел поднять самую проблему изучения Пушкина на большую высоту на-

ности, общественного смысла деятельности поэта, прогрессивным характером пафоса художника, Белинский сумел поднять самую проблему изучения Пушкина на большую высоту на-

и суметь открыть свою мечту, свой настоящий будущий.

В этом городе живёт поэзия. Она ходит по чекам маленьких тишин деревень, деревень, деревень. Она ходит по городам 2000-го года. Она организует школьных товарищества в группах, которая помогает соединяться и расти.

А его товарищи Юра Ермин и Инна Лебедева пишут сочинение на тему «Мы не можем жить без поэзии! от природы, взять их у неё — наша задача».

Не знаю, будут ли они стихотворцами. Возможно, и не будут. Но они уже поэты. Они чувствуют время, они учатся управлять им. Эти мечтатели хорошо знакомы с череп-

ом заступа, они физкультурники, они сумеют открыть свою мечту, свой настоящий будущий.

В этом городе живёт поэзия. Она ходит по чекам маленьких тишин деревень, деревень, деревень. Она ходит по городам 2000-го года. Она организует школьных товарищества в группах, которая помогает соединяться и расти.

Они знают, что такое переходящее Красное знамя. Они знают, как добывать его. Они знают, как заслуживать его. Настоящий труд создаёт настоящую мечту.

И снова чувствуются слова поэта:

Мой друг, отчина поэзии! души прекрасные порывы!

Что может быть прекраснее горячего поэзии людей, дышащих свою Отчизну вперёд, вперёд?

Этот город носит имя Пушкина.

В этом городе Мавзолей дружинки похлы-пывает по блечну солдат.

В этом городе Пушкин, девятого класса ясно видит вырисовывающееся задние коммуни-зма, так же ясно, как завтрашний день, встающий из-за соснового бора.

Леонид ЛИХОДЕЕВ



Пушкино, Московской области.

ВОЛЬНОЛЮБИВЫЕ СТИХИ

Через год после разгрома Николаем I восстания декабристов Пушкин написал стихотворение «Арион»:

Нас было много на члене;
Виделись и видимы.
Другие — другие ушишки.
В глубь мозгов мыслы...
На руки склонясь, наше волнистое
В море плаванье, — волны чёмы;
А я — беспечной веры полы;
Плющами и пель... Вдруг лоно земли
Вспыхнуло, превратившись в огни...
Погиб и кормщик и пловец!...
Лишил я, таинственный певец,
Нашу счастья, нашу любовь...
Я гимны пренесши мою
И рину влажную мою
Сушу на солнце под сизую.

Прямо сказать о своих близких отношениях с декабристами, о своей верности заветам и политическим идеалам декабризма Пушкин не мог. Сибирская николаевская цензура никогда бы не разрешила напечатать такое признание, и Пушкин, привыкший к тому, что его сочинения в силу того, из которой находился до этого он был возвращён. И вот Пушкин говорит обо всём этом, но иносказательно. Под «пловцами», которые смело пошли вперёд в опасную морскую путь своей чёмы, он разумеет декабристов. Под «шумным вихрем» — катастрофа 14 декабря. Самого себя Пушкин имел в виду, говоря о таинственном певце, который «шел пловцом».

Пушкин имел вполне правое называться себя певцем декабристов. Порт разделил и рос в бурное время, исполненное больших исторических событий, имевших очень важное значение в жизни русского народа.

За девять лет до рождения Пушкина, появилась одна из самых замечательных русских книг, книга зачинщика русского революционного движения Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». В этой книге, как в «Истории государства Российского», боролся с темой идейной и политической вы滋生 самодержавной царской власти в крепостничестве. Радищев призывал крестьян подняться против своих вековых угнетателей — помещиков. За эту книгу Радищев был сослан в Сибирь. В 1802 году, когда Пушкину было только три года, Радищев умер. Но идеи Радищева нашли отзвук в первоначальных кругах русского общества.

Через десять лет, в 1812 году, когда Пушкин уже учился в лицее, Наполеон начал вторгнуться в Европу. Ещё раньше, в 1805 году, в Россию. В ответ на это «поднялись дубинки» народной Отечественной войны. Огромная армия Наполеона не только была почти полностью уничтожена, но победоносные русские войска, преследуя врага, взяли Париж и освободили другие европейские страны.

Однако освободивший Европу мучит и великий русский народ продолжал оставаться под кротким игом. Это не могло не возмущать многих, и честно говоря, даже тех, кто не был дворянином. Чрез некоторое время стали организовываться тайные политические общины, члены которых ставили своей целью ограничение царского произвола и освобождение крестьян. Так же было настроено и молодой лицеист Пушкин. В 1815 году юношеским поэтом пишется стихотворение «Лиценио». Стихотворение якобы относится ко времени древнего Рима, но на самом деле Пушкин имеет в виду современное ему русское общественное и политическое движение. В «Лиценио» Пушкин выражает свою любовь к свободе, к новому обществу, к политической реформе, возглавляемому царём Александром I и его любимицем, графом, тулем и невежественным Аракчеевым.

В дышащих высоким гражданским негодованием, смелыми и энергичными строках современники, без труда узнавали именитого семейства Аракчеевых. Заканчивается появление «Лиценио» грозным предсоглашением стихом: «Свободой Рим взор, а рабством погубёт!». Стихотворение «Лиценио» было первым гражданским выступлением Пушкина-юноши, как он писал в его будущую политическую линию, прообразом его «вольных стихов» 1817—1820 годов.

Многие товарищи Пушкина сразу же по-

окончании лицея вступили в тайное общество. Но менее вольнолюбиво настроены были и сам Пушкин. Однако, не доверяя его поэтической пылкости и сберегая поэта, друзья от него скрывали, что тайное общество существует. Догадывались все же о существовании общества, поэт болезненно переживал это. «Он затруднялся меня, — рассказывает один из его самых близких лицейских друзей, декабрист Пушкин, — спросил и распросил, от которых я, искренне, отвечал, усмиряя его тем, что он лично, без всякой воображаемого общества, действует, как нельзя лучше, для блага цели».

Пушкин был прав. И не будучи членом тайного общества, Пушкин писал творчеством, «вольными стихами» и политическими эпиграммами, которые он стал в эти годы обильно писать, замечательно служил общему делу — «благой цели» декабристов.

В одном из последних своих стихотворений, «Лиценио», Пушкин пишет: «Я, как бы из своей деятельности, онставил себя в особую послугу перед народом то, что в «жестокий век» царского и помещичьего произвола «восславил свободу». В неизвестном варианте от этого сказано еще определение: «Что вслед Радищеву восславил я свободу». Действительность, в одном из первых же стихотворений, написанных им вскоре после выхода из лицея, — в своей оде «Вольности» — он во весь рост ставит одну из основных радищевских тем — тему борьбы с самодержавием:

Владыки! вам венец и трон
Дарю я, вы не Преридо —
Стотычи вы на Небесах
Но вечный венчай нас Занон.

В этом же стихотворении Пушкин с искромётной силой гражданско-поэтического воодушевления даёт образ «самодержавственного злодея» — царя-самодержца.

В написанном через некоторое время другом стихотворении «Деревня», Пушкин подымет вторую основную радищевскую тему — тему борьбы с крепостным рабством.

На «Вольности» и на «Деревне» Пушкина лежала тяжесть нечестивого царства, ограниченности, свойственной первому, декабристов, и рюдюкской революционности. Но по сию же неизвестной с «самодержавственным злодеем» творе, по высоте негодугощего гражданского чувства перед лицом утятенного «диким барством» народу стихи Пушкина обладали громадным революционизирующим влиянием. В то же время в «вольных стихах» Пушкина необыкновенно ярко отразились и обязательные черты, присущие любому великому русскому романтику — прекрасная молодость, самодовольство любых стремлений, восторженно-страстное горение, пламенный революционный патриотизм, горячая вера в торжество «святой вольности». Таково вдохновенное послание Пушкина к Чадаеву, которое для современников прозвучало — и продолжало звучать для последующих поколений — как своего рода юношеского объяснения в первой любви родине и революции:

Любви, надеек, тихой славы
Не долго жила нас обман,
Исчезли юные забавы,
Засияли звёзды, засияли туманы;
Но в нас горят ещё юные мечты,
Под гнетом власти рожновой
Нет счастья, нет счастья, нет счастья!
Отчизны временному признанье.
Мы идём с томлением упованья
Мысль волности святой.
К нам идёт любовь молодой



Лицей. Рисунок А. С. Пушкина.

Мигнула вершина синевы.
Пона свободою горим,
Пона сердца для чести живы,
Мой друг, отчизна, посвятив
Товарищ, верь: воходит она,
Звезда пленительного счастья,
Город, в котором я родился,
И на обломках самогласти
Напишут наши имена!

Вольные стихи Пушкина подъявились исклучительной популярностью. «Не было живого человека, который не знал бы их», — свидетельствует Пушкин. «Рукописные экземпляры вольнодумческих сочинений Пушкина... столько по полкам, что это на самом удивляло», — поясняет Пушкин. «Самые следящие над декабристами люди из видимых ученых и писателей приговорённый Николай I и повешен», — вспоминает Бестужев-Рюмин. «В бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои», — сообщал Пушкин Жуковский. Объяснялось это тем, что Пушкин был в них органом общественного самосознания, выражал «дух» молодого поколения — мысли, чувства и настроения избалованного передовых кругов тогдашнего русского народа.

Декабристы делали свою дело без насила, но их стремления или насторож народных настроек и интересов и поэтому, при всей своей классовой ограниченности, объективно всё же носили народный характер. Эта самая передовая общественных слоев своего времени, литературный трибунал декабристов, их поэтические уста, Пушкин имел тем самым право сказать о себе в одном из стихотворений этого периода: «И неподумкой голос мой был эхо русского народа».

Не удивительно, что смелый и неподкупный голос молодого поэта привёл в прость и царя, и Аракчеева, и реакционные круги дворянства. Задолго до того, как пострадали друзья Пушкина, входившие в состав тайных обществ, он — первым из всех — уже понёс суровую политическую кару: по личному распоряжению царя был в мае 1820 года выслан почтой за полторы тысячи вёрст от столицы, на юг, а оттуда, через город Казань, был переброшен в другой город — Тюмень, в «западную ссылку» в узле в глухом деревенском замку, где Михайловка.

Но вольный голос Пушкина — поэта свободы, «друга, брата, товарища» декабристов — продолжал громко звать и в ссылке. Общаясь в это время с кругами южных декабристов, Пушкин жажде рваться к немеленному революционному действию. Он публично высказывает самые радикальные взгляды на самодержавие и на патриотизм. В стихотворении «Лицей» он прямо призывает к расправе с царём:

Лиценио! бог любви, любви!
Для твоей бесстыдной Наполеона,
Свободы тайной стражи, национаций инока,
Последний судия позора и обиды.
Дзе Зевос грим откроет, где дремлет мяч
Закона.

Свидетель ты проклятий и надежд.

Ты проклятий под сенью трона.

Под блеском праздничных одеянь...

Трагично стало положение Пушкина, когда даже декабристы были вынуждены всплыть в шельма, когда души были вынуждены взвинтиться в злобу, когда боялись на катире, в Сибири. Но Пушкин продолжал петь «прекрасные гимны». Тогда его вдохновенное послание декабристам «В Сибирь», таково его стихотворение «Антар» — глубокий и страстный протест против царского самодержавия и рабства, против угнетения человека человеком.

В 1824 году чёрной николаевской реакции «вильный» поэт Пушкин был вынужден эмигрировать, а вскоре и вынужден вернуться в город. Прекрасно сказал об этом маладый современник Пушкина, «краснобаевский» декабристами, продолжавший их дело, Александр Герцен: «Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений, эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполнила мужественными звуками настоящее и посыпала своей голосом отдалённое будущее. Пoesия Пушкина была залогом и утешением».

Ф. КРАВЧЕНКО

ПУШКИН СРЕДИ НАС...

Александр Пушкин... Это имя я полюбила давно. Много лет назад, когда я был школьником, мне сказали, что великий поэт Александр Сергеевич Пушкин живет в нашем Каменце. Мы знали не только его стихи и прозу, мы знали и его жизнь. Мы ходили на гору, домик, в котором жил поэт; мы гуляли в парке, где когда-то Пушкин встречался с декабристами; мы знали, что Пушкин любил спасать пострадавших и писал стихи. Он дышала тем же воздухом, любился теми же зелеными берегами нашего Тясминса, ходил по тем же землям.

Однажды старый учитель собрал нас, школьников, на скандинский берег Тисмы, оттуда была видна Каменец с ее кудрявой зеленью, в которой тонули соловьиные крики. Мы сидели на скамейках под теплыми, нагретыми солнечными лучами гладкими камнями. Над лесом отрывались золотисто-малиновые шары висело солнце. Маленькие облака, обогнувшиеся вокруг сияющего от солнца пламени, плыли с запада на восток, постепенно бледнея и угасая. Мы видели их огненные отражения в спокойной воде. Всего минуты, и в этот момент отдохнула нам старинка. Он был нашим старшим товарищем, и в его движениях было многое из малынического задора. Он громко и страшно читал:

Товариши, верьте, взойдет она,
Соколиное солнце...

— Вот и взошла звезда — проповедника счастья, — сказал учитель, вытирая слезающуюся прозрачно-голубые глаза. Вы этого еще не понимаете, мальчики. А я сам себе говорю: «Нет, я это знаю». Я знал тогда, когда декабристы против царя восстали, я бы с ними был зядко. Их Пушкин любил. А он знал, что им предстоит долгий путь.

Учителя нашли в бывшей дамовской библиотеке книгу Данилевского, из которой мы узнали о дружбе поэта с декабристами. Нам, школьникам, было известно имя этого человека. Школьники Каменца дали декабристам и мог погубить самого Пушкина. Во дворе сахарного завода, над ручьем, соединяющим старый и новый Тисмы, я видел это каменное здание с полуобозначкой крыши, похожее на круглую башню. В нем, по преданию, находился водяной мельничный завод, который принадлежал Шернуду. С недобрым чувством мы посмотрели на это здание, и особенно в нем с тех пор еще обитал отвратительный чужеземец. Затем, как будто благоговением мы глядели на деревянную широкую оконную раму, в которой было то место, откуда той номинации, в которой жил и творил великий поэт. Теперь в этом домике находится Музей имени Пушкина. Там, подле пустынных окон, — было трудное время, когда народ заличен был рано, после грандиозной войны, и в создании музея только мечтали. А сейчас, спустя много лет, я вижу, что это аспектирует свет и я увижу силуэт знакомой кудрявой головы великого француза, мысленно тверди стихи любимого поэта. Казалось, что я вижу Пушкина, сидящего на старом дереве — этаже, каким я видел его на рисунке. В эти мечтательные вечера я, сын неграмотного рабочего, забывал о мире и земле. Ежевечер познал радость поэтического творчества и канала любви к стихам.

Далее умер старый учитель, историк нации, меня любил Пушкин. Я очень редко было в родной Каменце, но в памяти моей живет все, что я полюбила в детстве, и до сих пор мне кажется, что Пушкин пропорхнул между моими руками. Я помню, как в Каменце, в этой необыкновенной столовой на Каменце-Кольхозине, в которой жил Пушкин, они рассказывают о нем, как о своем семени. Семени Пушкина. Он ходил по полям, на которых они работают. Они помнят его слова:

Узнайль, о друзья, народ, воспитанный
И работой, падшее по манже небесный
И над отчеством свободы просвещенный
Взойдёт ли на конец прекрасная заря?

Продолжение. Я вспомнил, что я — пленник царя, а потому, что народ просвещенность привнес Ленин — Сталин. Ученичество царизмом и построены первое в мире социалистическое государство. И я земляк Пушкина. Я земляк Пушкина, потому что я — земляк, что свыше ста лет назад боролся своим огненным словом за счастливую жизнь, которую они сейчас обрели... Я родился в Каменце, в Каменце Пушкин пропорхнул во мне неизъяснимую жажду знания. И всегда, где мне пришлось побывать, я видел и ощущал великого поэта. Он, как и мой народ, задумчиво стоит на пьедестале у здания бургаса, на котором венчается звезда, флаги и цветы. Должно быть, он рассматривает новые дома, новые улицы имени великого Гоголя, который любил поэта так же, как и я. Я — земляк великого патриота народа. В сорок лет я с малыническим увлечением путешествовал по Крыму, неизменно встречая Пушкина в каждом из дворцов, в которых теперь находятся музеи, я читал стихи и письма великого поэта, которые я читал и сидел в зале «Чёрное море». Я видел высокие мраморные стелы великого поэта, возвышенные Пушкиным невольницами. И там, в Крыму, он пророчествовал: «Мы будем мудрее, мы будем, на живописном южном берегу, грядущим покорять о них не име, как и моя каменская земляя, — с гордостью и любовью... Он для них великий поэт и родина не позабыла его».

Он жив, наш Пушкин; он живёт среди нас, живёт в народе, строящем коммунизм.



М. Родионов — «Полтава» (Декабрист).



Б. Дуктерев — «Евген...



П. Соколов-Скаля — «Борис Годунов»
(Гослитиздат).



Д. Шмарин

Новые иллюстрации
к юбилейным изде...



А. Савицкий — «Онегин» (Детгиз).



А. Ванечкин — «Станционный смотритель» (Гослитиздат).



Г. Савицкий — «Моцарт и Сальери» (Гослитиздат). 1949



А. Пластов — «Дубровский» (Детгиз).



В. Милашевский — «Сказка о царе Салтане» (Гослитиздат).

А. Пластов — «Капитанская дочка» (Гослитиздат).



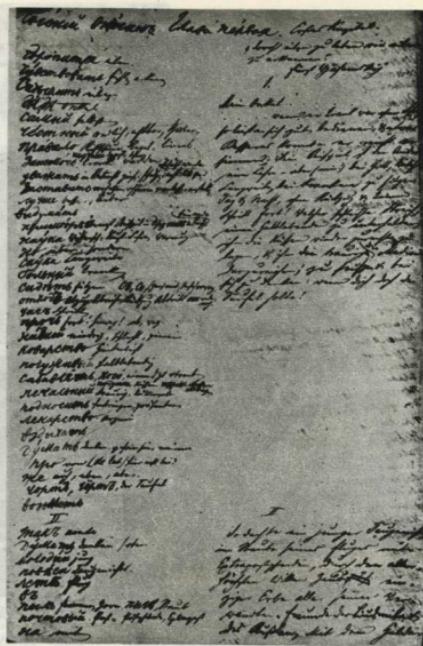
и советских художников
даниям А. С. Пушкина

Творцы научного коммунизма Маркс и Энгельс пропагандировали огромный интерес к России. В течение многих лет они с неосязаемым вниманием следили за событиями, которые происходили в её общественной политической жизни, и тщательно изучали богатое историческое наследие русского народа, которое соизузвались с традициями передовых масс России при царизме, восхищались стойкостью и отвагой русских в борьбе с внешними аграрами, а также геронией борьбы русских революционеров против самодержавия.

Исклекательно высоко оценивали Маркс и Энгельс величайшую достинность русской нации в области науки и культуры. Основоположники марксизма прекрасно знали труды русских учёных Менделеева, Зибера, Флеровского, Максима Ковалевского и многих других и сочинения русских педагогов общественных деятелей. Со многими из них они были лично знакомы и поддерживали дружескую переписку. Русские писатели занимали первое место на книжных полках Маркса и Энгельса. Из сочинений русских авторов они сделали многочисленные выписки и извлечения. Особенно восторженно отзывались Маркс и Энгельс о научной и публицистической деятельности великих русских революционных демократов Добролюбова и Чернышевского.

Маркс и Энгельс были идеологами и организаторами расцвета русской художественной литературы. О русских поэтах и прозаиках они говорили всегда с чувством настоящего восхищения. Изучая историю русской поэзии, Маркс и Энгельс ещё в 1856 году познакомились со «Словом о полку Игореве», которым в своем время так воссторгалася Пушкин. В 1857 году, в день смерти 5 марта 1856 года Маркс дал глубокую характеристику этому выдающемуся литературному памятнику древней Руси — памятнику «примы русских кизелей к единению как рак перед наществием монголов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 122). Среди рукописных заметок Энгельса имеется запись, будто бы сделанная им русским поэтом XVIII века и начала XIX века, начиная от великого поэта-ученика Ломоносова и кончая Державином, Крыловым и Жуковским. Любопытно переписана рукой Энгельса мелодичная залогия Жуковского «Здесь пел юноша безвременно скончавший». С большим увлечением читал он бесмертную комедию Н. Грибоедова «Горе от ума», а русские романы современных ему авторов называл превосходными.

Наиболее горячих поклонников встретил в лице Маркса и Энгельса стихотворный гений Пушкина. Оба основоположника марксизма прекрасно знали творения величайшего русского поэта. Ученый Маркс Подольский, спасшийся из своих воспоминаний, что из русских классиков особняком люблю Маркса пользовались Пушкин, Гоголь и Салтыков-Шедрин. Имя Пушкина он называет в первую очередь. Маркс и Энгельс не раз упоминали Пушкина в своих сочинениях и письмах, ссылаясь, частично на его замечательные стихи, в стихотворении «Евгений Онегин». Маркс в 1849 году в своей крупнейшей работе «К критике политической экономии» счёл нужным, специально упомянуть то место из «Евгения Онегина», в котором Пушкин повествует о знакомстве своего героя с яко-



МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ВЕЛИКОМ ПОЭТЕ

мическихими трудаами, в частности с сочинением Адама Смита «О богословии народов».

«Брайан Годин, Франция: Здравствуйте! Адам Смит. И был глубокий эзотерик. Но есть, умудрить о том. Кто же, кроме вас? И вот. И чего же? И почему? Но нужно золото ему, чтобы прокормить семью. И семья отдавала в залог».

Энгельс также несколько раз ссылался на это место в своих сочинениях, цитируя соответствующие выдержки. Он готов был постоянно возвращаться к роману Пушкина, даже в разгаре научных занятий и исследований с рукописями Энгельса мог обрывисто, лобзяльно вспомнить звучания пушкинских стихов на страницы с текстом, которые не имеют к ним, казалось бы, никакого отношения. Завершая, например, одну свою критическую работу о мелодраматическом писателе Прудоне, Энгельс на этом же листе бумаги набросал несколько строф из «Евгения Онегина»:

«Ногами же юности мятежной
Пришла Европа в стихии неизвестной...»

Фотография этой страницы из рукописи Энгельса напечатана в недавно вышедшем в свет 10-томном издании «Архива Маркса и Энгельса». Присутствия в 50-х годах XIX века к тщательному изучению

русского языка, Энгельс использовал для этой цели также произведения Пушкина. Он составил словарь из поэтической переноски к национальным стrophам, появившимся в особенности в употребляемом языке и легко проникнуть в смысл написанных на нем текстов, даже таких сложных, как стихотворный текст пушкинского романа. Впоследствии Энгельс целиком овладел русским литературным языком и смог с полной мерой оценить все совершенство пушкинских стихов, а также других выдающихся образцов русской поэзии и прозы. Он отнесся к русскому языку, как об «одном из самых сильных и самых богатых живых языков» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 239).

«Какой красивый русский язык!», — воскликнул он в письме к Вернеру Засулину от 6 марта 1884 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 209). Маркс же, как и Энгельс, владел русским языком и читал произведения русских классиков в оригинале.

Творения Пушкина были для Маркса и Энгельса не только источником огромных эстетических наслаждений. Основоположники марксизма знали и любили великим гениальным русским поэтом и других крупнейших русских писателей с русской действительностью, с общественными темперами в России, с умно-строенным передовых представителей русского общества и их великолебивыми идеалами. Недаром такая литература в их глазах «Евгений Онегин» — поэтическое отражение русской жизни начала XIX века. Маркса и Энгельса восхищали глубина и меткость поэтических характеристик различных общественных явлений, присущих России, а также и Западной Европе того времени, которым даны в этом замечательном произведении. Эту мысль подробно выражено письма от 1900 года, когда автор «Евгения Онегина» — участник группы крупнейших буржуазных экономистов Запада, а также свойственную им ограниченность взглядов и другие недостатки. «Ваш Пушкин уже знал это», — указывал он на это одному из своих русских корреспондентов (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 370).

В глазах Маркса и Энгельса Пушкин был олицетворением необычайной одарённости русской нации. Основоположники марксизма всю свою жизнь верили в творческие силы и глубокие революционные возможности народа, который за несколько десятилетий вышел из среды Пушкина, Гоголя, Чехова, Достоевского, Добролюбова и целую плеяду других гениев. Они смотрели на Россию, как на страну, которой принадлежит крупнейшая роль в мировой истории и предстоит великое будущее. Они неоднократно указывали на огромное значение грядущей русской революции против широкой позиции супер-всего международного рабства, в котором находилась Россия — спредаром отдалом революционного движения в Европе (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 3). «Россия — это — Франция нашего века», — говорил Энгельс русскому революционеру Лопатину, «и её законы и правомерия принадлежат революционной инициативе всего социального прогресса».

Пророческие слова великих учителей вождей рабочего класса полностью осуществились в наши дни. Руководимые великой партией Ленина — Сталина, народ России во главе с русским народом, в творческую энергию которого так горячо верили Маркс и Энгельс, свергли царизм, уничтожили капиталистов и помещиков и основали могущую социалистическую державу.

На широких просторах России были впервые в истории претворены в жизнь самые заветные чаяния Маркса и Энгельса об освобождении тружеников от эксплуатации и построении бесклассового общества. Всё это было сделано под руководством величайшего писателя мира Маркса, Энгельса и Ленина Сталина ведёт советский народ к коммунизму. В обстановке могутого торжества и новых успехов в борьбе за коммунизм со всеми лицами отмечают стоящее писание поэта со дня рождения великого Пушкина, чей имя так высоко чтили основоположники научного коммунизма.

Л. Гольман

ЛИЦЕЙСКОЕ ПОДВОРЬЕ

Рассказ

С утра небо было покрыто сплошными тучами. Не переставая, моросил холодный, мелкий дождь. Во многих окнах виделись зажжённые свечи, хотя пушка в Петровской крепости только что звонила под звон колоколов.

В кабинете Пушкина топился камин. Кусок ёц не старевшего полена вывалился сквозь решётку и дымил, словно кадильница. От едкого дыма у Пушкина слезились резь в глазах, но, увлечённый работой, он думал, что глаза слезятся от усталости. Вчера поэт работал заполночь, а с шести часов утра уже снова сидел за письменным столом. Нетерпеливое желание писать Пушкин ощущал неминуемо всегда каким-то внутренним, безошибочным чувством, угадывая приближение конца произведения, над которым работал.

Сегодня же с самого 10 октября, он зашёл в «Капитанская дочки» и, прежде чем отправился к Яковлеву на юбилейный «лицейский» обед, сам отвёз эту рукопись цензору. Задержка только за последней главой. Остальные уже в типографии, где печатается очередной номер «Современника».

Весь стол, стоящий рядом кресла и диван были засыпаны страницами рукописи со множеством поправок, перечёркнутых строк, вставок и сносок. Чертёльщица вся забрызгана чернилами и даже мордочка украшающего её нергитриста тоже замазана чернильными пятнами.

На полу валялись огрызки гусиных перьев, и дувший из-под дверей сквознячок шевелил их и погибшие пушкины.

Пушкин ещё и ещё раз рассматривал некоторые страницы рукописи.

— Этих во всём случае следует убрать, — вслух проговорил он, — всё равно их цензура ни за что не пропустит, — и он осторожно извлёк из «Капитанской дочки» страницы с описанием казни деревенского бугаля.

— Гусей дразнить не для чего! — вздохнул он, и, встав из-за стола, залым выплыл стакан воды с крекионников вареньем.

Пройдясь несколько раз из угла в угол, он вернулся устало к столу, схватил письмо английской «Сортийесе». Приподняв с трудом одну из этих связок, Пушкин поднес к горлу: «Булгаринские «Печёлы» разделаются по России трёхтысячными роями, «Библиотека Сенковского» едва ли не вдвое, а мой «Современник» явно оставляет читателя равнодушным! И то сказать, что в нём интересного, если издатель не предоставляет ни модных картинок, ни пошлых любопытных интриг!»

Ещё раз оглядел туго связанный своего журнала, Пушкин нагнал спредели, что перепроданных книг осталась добрая половина. «Но, может быть, выручит чётвёртый номер... Да и впрочем, вспомнил он, вспомнил, что «Капитанской дочки» многое интересует. Не забыть бы только во время оплатить типографические счета! Когда, бишь, им срок?»

Пушкин вернулся к письменному столу и открыл боковой ящик, в котором хранились деревянные бумаги. Вот они, скреплённые медной клешней, многочисленные счета... Крупные, мелкие, сиречевые, настойчивые, требовательные, сопровождающие письма...

Отобразив типографские счета и бросив остатльные в стол, Пушкин долго стоял в глубокой задумчивости. Потом прошёл по лицу руками, как будто снимая с него пыль, и снова взгля-



Пушкин подумал несколько мгновений, потом начал...

ся за перо. Быстрые строки ложились на бумагу ровными полосами:

«Рукопись Петра Андреевича Гренина доставлена была нам от одного из его сынов, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временному отсутствию его отца. Мы решительно с разрешения родственников издали её особо, прислав в каждой главе приличный отпечаток и давши себе право менять некоторые собственные имена».

Поставив дату: «19 октября 1836 года», Пушкин подписалась: ««Пушкинъ»» и, помолчав, — «Так буде падо!». Потом читал сам, сунул карандаш в карман и на самом деле толкнул, не то я сам всё это сочинил».

Положив, пока хьюхонут чернила, он ёщё раз перечёк последнюю страницу, сделав какие-то поправки и, наконец, сунув руконы в трубку и перевязав её подпашней под руку верёвочкой.

Кликнув Никиту, он велел подать сюртук: — К обеду пусты меня не ждут. Скажи же Наталии Николаевне, когда она проснётся: я обедаю нынче по случаю лицейского юбилея у Яковleva.

Собрание бывших лицентов, как и все каждодневные юбилейные собрания в течение двадцатипятилетнего существования лицей, отличались обычной интимностью и какою-то особенной, меланхолической весёлостью. Только в самом начале пушкини, когда Яковлев показал Пушкину магазинный счёт, в котором, кроме цен на вино и закуски, были простоявшие мелкие суммы «за четыре десятка берг-

мот и три фунта изюму», Пушкин вдруг рассердился:

— И тут счета! О, господи!

— Так ведь складчица, Александр Сергеевич, — не понял причин раздражения Пушкина, обнялся Яковлев.

Но Пушкин уж дружелюбно обнял его:

— Поди, Мишель!.. Это вовсе я не потому, — но ему не дали договорить: взял под руки, торжественно повёл к столу.

— Садись по правую руку хозяина, — сказали ему. — Ты самый почтейший из гостей.

Яковлев положил перед ним лист бумаги, гуашью перо и поставил чернильницу в виде головы Медузы.

— Будешь вести протокол, — повелительно сказала он, — а я тем временем приготовлю жёлтый.

Оbed начался задорным тостом в честь лицей. Потом произнислись трогательные, заушечные речи.

Склонённый над бумагой лицо Пушкина освещало лицо склонившегося над ним Яковлева и казалось очень бледным. Порт с нарочитой сердёйностью щёл «протокол пищестя», почтительно не прятавшись к кушальной.

— Оставай чрезмерное усердие, Пушкин! — раздавались голоса. — Чокнемся, Александр Сергеевич!

Но Пушкин словно не слышал этого. Тогда Яковлев взял о него из рук перо и передвинул «протокол» к своему прибору:

— Дальше писать буду я.
Пушкин молча покаял плечами и как будто теперь заметил пронзительные к нему болы.

Данзас в расстегнутом мундире подполковника, с выпущенным здоровым лицом, оглядел всех весёлыми глазами и поднял бокал за здоровье хозяина:

— Предлагаю отныне именовать гостеприимный дом нашего милого Мишельюэна «Лицейское подворье», ведь большая часть наших лицейских гостинодавовала именно в его доме.

— Согласно справедливо,— важно согласился Корф.

Его поддержали и другие.

— А теперь,— продолжал Данзас,— я хочу возвратить Комовскому, который в своей речи сказал, что нас всех «безответственно тянет на эти каждодневные собрания больших пионетов лицейца». Воне не «безответственно», дорогие друзья! Самое слово «лицей» тант в себе очаровательную идею. В самом деле... Лицейские шесть лет! Мы не перестаем любить их со всем тем, о чём тогда мечтали, на что надеялись. С ними связаны гордые юношеские стремления, а также несомненные на свою жизненную путь дары: литература, наука, искусство... Да и общей пользы! Жить для общего блага нашего великого отечества... И сколько же радости создавать, что, перенесши уже немало душевных земельных бурь, уже далеко не отроки, а кавалеры многих орденов,— продолжал Данзас, указываям поочерёдно на присутствующих,— статеские, действительные, а кое-кто,— он ткнул в важного Корфа,— уже и тайные...

— Одни я, сирота горемичная, всего лишь тутильник,— с жалобной миной поспешил Пушкин.

Все рассмеялись. Только Корф укоризненно покачал головой с нарядностью правильных проборов в уже седеющих волосах и, выждав минуту тишины, с подёрнутой вежливостью спросил:

— Ты кончил, Данзас?

— Почти, дорогой,— с благодушной улыбкой ответил Данзас.— Я хочу сказать, что, сбираясь в день 19 октября, мы словно раздуваем пламень наших юношеских чувств и воспоминаний отгремевшим нашим сердца, мы ложившим в холде светской жизни. Мы ложились спать, и вспоминали о том...

— Ерво, Данзас! Ерво, Кости! Ты совсем прежний издатель! «Лицейского мудреца».

Хорошо сказано,— похвалил Пушкин.

Яковлев стал разливать по бокалам жёлтёны.

— Я предлагаю... торжественно начнёт он,— выпить этот бокал за то, чтобы мы не переправляли молодот ходя в год в этот знаменательный день 19 октября, но обязательно до той поры, пока кому-то из нас «под старость» не лицей торжествовать придётся одному».

За этот тост все бокалы были осужены до дна.

Илличевский попросил позволения сказать своё слово в стихотворной форме.

— Только предупреджу, что я так и остался поэтому всем лишь лицейским не в пример поэту всей Руси великой,— при последних словах он икнулся поклонился Пушкину.

— Читай, Олосенская,— ласково улыбнулся Пушкин.

Илличевский откашлялся и начал:

Хвала лицейским! Сияет обет
Ны днём сей предизвестий свиданье.
Ильицкий, моли, лист, яко
Но сияны воспоминаньем...

И что же время нам? Оно
Расторгнуть братских уз не смеет.
И дружка наша, как нико:
Тем больше кренят, чем стареет.

Илличевскому аплодировали. Вконец, расчувствовавшийся Яковлев через стол потянулся к нему с поцелуем. Даже напыщенный Корф благосклонно кинул автору.

Данзас, отбросив салфетку, взял гитару и, аккомпаньем себе, затянул шуточную лицейскую песенку «Лето знай». Ему тотчас же подхватили:

Мы же пуши, мы пуши,
Ай-лю-лю-лю-лю!

— Постойте, друзья мои,— остановил Яковлев.— Прежде всего прошу заслушать протокол: «Прированы вышеннапомянутые гости следующим образом: обедали вкусно и шумно, выпили два здоровья, или, по-заморски, тоста: за двадцатипятилетие лицей, за его дальнейшее благополучие». Тендер надлежит выпить за присутствующих и отсутствующих воспли-

танников сего прекраснейшего рассадника отечественного просвещения. А также за тех, кто в буриях и в житейском горе, в краю чужом, в пустынном море и в мрачных пропастях земли».

— За сих последних предлогом выпить по-имени! — порычал Пушкин.— За Пушкина, моего друга! За нашего милого Юлою!

— Александр Сергеевич, ты обещал нам пропеть последнее к тебе письме от Кохлюбекера,— напомнил Яковлев после долгой паузы, неотступившей вслед за пушкинским тостом.— Погодите, поклоняется.

Пушкин с глубоким вздохом развернул сложный ветчевый серебряный лист бумаги. Стало совсем тихо.

«Не знаю, как на тебя подействуют эти строки, любознательный друг мой,— сказал Пушкин Кохлюбекер,— они писаны рукою, когда-то тебе знакомо. Рукою этой водит сердце, когда тебе любишь».

Сайес подступился к горлу Пушкина. Он передергнул и продолжал:

— Дальше си с излишней восторженностью благогулют мое книга, которые мне удалось достичь иму, и приближут к глазам, удалившись за то же, как будто находятся в замке, в котором живёт король Бартониус, а шагает по аллеям Царско-Сельского парка в первых листьях лекции Куниниана и. Нет, не могу,— обрадовал себя Пушкин,— не могу!»

— Позволь, я дочитаю,— Данзас взял у него письмо и, приблизив к глазам, удалился: «И почерк так же мил-мелепый, как и его обладатель. Ну, слушайте: «Не хвabo, тело, Александр Сергеевич, потому что должен ожидать от тебя всегда письмо прекрасного».

Пушкин взял у Данзаса письмо и спрятал у себя в груди.

— А какова у Кохлю неизгладимая жажда знаний? Узвавшись заговорил он после долгого молчания: «Прощаю вас о моем ребяте науки Петром, он в каждом письме просит прислать ему книгу, как только она выйдет в свет. Бедный Юлою, вряд ли он когда-нибудь дождётся этого!»

— Почему? Что ты, Александр Сергеевич!— разделяли простирущиеся восхищения.— Пора же, наконец, и нам, русским, знать свою историю! Не прикажешь ли ты нам довольно-весьма быть такими «творщиками», как Николай Полев?

— Русская история,— сказала Пушкин прониженным голосом, и лицо ею просветлело,— и в особенности наши новы горы... Как это обширное и волес неизобретённое! Кланяусь, честно, что ни за что на свете бы не думал иметь другого отечества и другой истории, как историю наших предков! Работа над «Годунови» скрасила моё изгнание в Михайловском. Позднее и с увлечением изучал архивные документы и рискал по Оренбургским степям, отыскивая живьи свидетели восстания Пугачёва. Наконец, со страхом и трепетом прочитал Петру. никто так крепко не прижался к себе, как я к этой книге.

Малы внесли сретенские истины в тёмные архивы его царствования возникла у меня давно. Помни, стоял я однажды в Эрмитаже перед библиотекой Вольтера и перелистал страницы его «Истории Петра».

— Значит, Екатерина II не раз купила у наследников Вольтера его библиотеку,— пошутил Данзас.

— Прравда ли, что Вольтер вызывал писать о Петре в ответ на свой избрание в почётные члены Российской академии наук? — спросил Корф

Пушкин покачал плечами:

— Казоны были его побуждения, не столь важно по знаменательности, что граф Шувалов, сопровождавший ученого в тогдашней России, повелев Михаилу Ломоносову собирать для Вольтера все возможные документы по Петру, нещадя никаких издержек.

— А написал он о Петре, как типичный француз, — заметил Илличевский, — галантно и поверхностно.

— Нет, русскую историю, для того чтобы она была, как выразился покойный Карамзин, «зерцалом бытия и деятельности русского народа», должен написать русский,— категорически заявил Яковлев.

— И не кто другой, как Александр Сергеевич Пушкин, — громко проговорил Данзас.

— Тебе, обязательно тебе ей писать, Александр Сергеевич! — раздалось со всех сторон.— Кому же, как не нашему национальному поэту Пушкину!

— Слава тебе, честь,— поклонился Пушкин.— К тому же Вольтер не знал пути успеха предпринятого им труда вели в России вместе с редакциями документами собою щубы, самокеты и прочие «предметы». Мне же редкий день не приносит почты требовательных писем замодавцев и неизлечимых лавочников счетов. Как видите, мои кондиции куда тяжеле вольтеровских.

Пушкин подошёл к камину и стал греть перед огнём свои узкие, небольшие руки.

— Всё это отлично знаете,— заговорил он, вспомнив, какими мистериями подвергается каждая написанная мною книга, каждая пьеса. В своем мире было предложено переделать в исторический роман наполовину романа Вальтер-Скотта моего «Годунона». Не прикажут ли мне сделать из Петра фарс или водевиль? — Пушкин взял щипцы и энергично размешал пылающие угли.

Яковлев обнял его за плечи:

— Понио, друг, не подлежит никакому сомнению, что ты создаешь такую историю Петра, которая будет достойна своего великого называния.

Однако же Пушкин, смеясь, отогнал Яковlevа усердных голоса.— Торопись, Пушкин! Твой «Петр» так же войдёт в канон отечественной истории, как твои поэтические произведения на века всплыли в российскую историю!

— Уррр! — крикнул Данзас, поднимая бокал.— За успех пушкинского «Петра»! Яковлев, туш!

Яковлев подошёл к фортепиано:

— Только туш, с синчёйной мною специально к сегодняшнему празднику небольшую вещицу. Ей сегодня исполнится совершеннолетие.

Все с любопытством ждали, пока Яковлев установил ноты. Пушкин заглянул в них.

— Да это же моя лейдесса «Слеза»!

— Я положил её на музыку, — проговорил Яковлев, бега первые аккорды, — мотив простенький. Буду рад, если мы вам подъявите.

Хор получился довольно стройный. Когда была пропита последняя строфа романса, Пушкин уже один повторял ей с глубокой грустью: «Увы, одной слезы довольно, чтобы отправить бокал...»

— А теперь твой очередь, Александр Сергеевич,— сказал Яковлев, захлопывая крышки фортепиано. — Чем-то ты осчастливишь нас в нынешнюю годовщину?

Пушкин стоял откладывая, уверяя, что не успел закончить свои стихи, посвящённые юбилею. Но его не слушали.

— Читай, что помнишь! Как же без пушкинских стихов! Непременно читай! — требовали все.

Как лицейский староста требует неуклонно традиций, освещённой двадцатью пятью годами! — молил Яковлев.

Наконец, Пушкин поднялся и приложил руку ко лбу.

— Только, чур, не попрекай, если спутаюсь или воне забуду,— с невесёлой улыбкой проговорил он.

Стало так тихо, что было слышно тиканье лежачих на столе чумых карманных часов. Пушкин подумал несколько мгновений, потом начал:

Выла поры: мни прадиши молодой
Синя, шумел и разозлил вентиль.
И с письми боназов звон мешкался,
И тесно сидели мы толпой...

Пушкин замолчал, снова потёр рукой свою прекрасную лоб и продолжал с тою же неизъяснимой грустью:

«Вы помните: текла за ратью рать...
Согнувшись, вспомнили мы прощанье,
И в сени, науди с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умрёт...

Шел мимо нас... и племена сражались.
Русь обилья начинчного врага,
И в сини, науди с досадой возвращались
Его подмы горячие снега...

Голос порта дрогнул. Все замерли в ожидании. Но Пушкин могла раздёл руки и поспешно отошёл к креслу, которое стояло в затенённом углу кабинета.

Никто не осмелился больше тревожить его просьбами.

ПРИЮТ ТРУДОВ И ВДОХНОВЕНИЯ

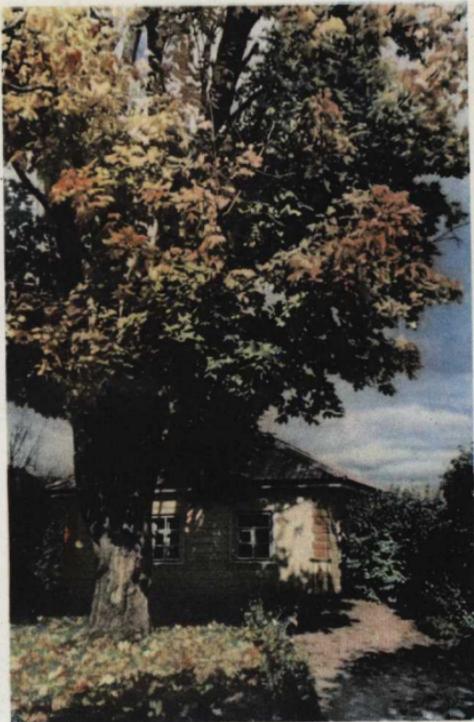
Цветные фото С. Иванова

*Вот опальный домик,
Где жил я с бедной няней моей.*

*А. С. Пушкин
„Вновь я посетил”*

*На берег озера, на тихий скат
холмов!..
Да вновь увижу я холмы густых
лугов,
И дряхлый пук дерева, и светлую
долину,
И злачных берегов знакомую
картину...*

А. С. Пушкин „Царское Село”.



Михайловское. Домик няни.



Михайловское.

Вид от усадьбы Пушкиных
на реку Сороть и озеро Кучай.



Тригорское. «Скамья Онегина».

„Приду под липовые свободы,
На скат Тригорского холма...
А. С. Пушкин
„Простите, первые дубравы“.



Господский дом уединённый,
Горой от ветров ограждённый,
Стола над речкою, вдали
Пред ним пестрели и цветли
Луга и нивы золотые...

А. С. Пушкин „Евгений Онегин“.

Михайловское. Усадьба Пушкиных.



Сей луг, установленный
Душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в
кустарниках шумят...

А. С. Пушкин „Деревня“.

Пейзаж с въездной аллеей
села Петровского.

БОЛДИНО

Простое русское село на взгорье. В центре старинный парк. На деревьях, устраиваясь на новоселье, деволито кричат грачи. Весенний ветер шумит в еще голых верхушках лил.

На краю парка скромный, не большой домик.

В этом доме давней осениной порой у жарко пылающей камни сидел Александр Сергеевич Пушкин и, забывши мир, писал, лихорадочно отбрасывая листки черновиков. В недавно окончил он одну из последних глав «Евгения Онегина», за день написал стихотворения «Шалость» и «Осень», в три дня создал «Скиталян». «Классического тела» Здесь под широким гонимым ветром осенних листьев родились в душе матрежиной и великой строки стихов:

Да, я вижу страну далекую,
Ты показала край чужой...

Смотря в окно, Пушкин с глубокой грустью писал о месте своего изгнания:

Смотрят на меня здесь вид:
искушн рдя утоги...

Годы, не приносившие перемены Гогору Болдину, обреченные на рабство. Более чем подтверждало по сле того, как самодержавие рукой Дантея образило жизнь Пушкина, в эти места приехал корреспондент того времени готовившийся отметить столетие со дня рождения великого поэта. Корреспонденту было дано задание описать, как земли поэта встречают эту знаменательную дату.

Но нараспашко корреспондент ходил по ветхим, куринym избёнкам. Крестьяне не праздновали юбилея великого поэта. Не праздновали по той простой причине, что почти не читали Пушкина, ибо более всего вергома хотели видеть место, где жила знаменитая поэтесса, письма которой погибли в огне.

Молодая учительница рискнула отметить памятную дату школьным вечером, на который пригласила родителей учащихся. Но она не посмела включить в программу более чем скромного вечера ее произведения, которые отозвались в сердцах крестьян, какими-то баеками. О побеге из рабочей坊の工場へ

работы ее не знали. Только знакомый домик стоит, как бы не тронутый временем. Как святыни, охраняют его болдинцы, бережно реставрируя каждую ветшающую деталь. Только этот домик да старинный парк напоминают о той давней пушкинской осени.

А Болдин совсем иное. Прямые улицы хороших, высоких домов, среди них много каменных. В каждом горит электричество, а звучит радио. На одной из улиц висит здание кинотеатра. Много общественных зданий. Святыи семисантиметровые газеты и журналы разносят почтальоны жителям Болдина.

Изменение не только облик села. Другими стали его обитатели — внуки и правнуки современников Пушкина. Имя поэта имене не только знакомо, оно одно из самых дорогих и близких имён каждому болдинцу. Эти имена носят средние школы, два колхоза, Дом социалистической культуры.

Любовь к сердцу каждого жителя Болдина — это любовь к поэту. Заплатки в рабочую библиотеку; в формулярах каждого читателя обязательно запаздывают книги Пушкина — поэмы и драмы, стихи и проза.

— Мы сами порой не замечаем, насколько проникла в нашу жизнь поэзия Пушкина, — говорит виноградник лектор района Мария Новикова. — Когда начались Отечественная война, добровольцы, вступающие в революционистов с заявлениями, ставили эпиграфом к нему известные строки вольнолюбивых пушкинских стихов.

Ани Лукина недавно окончила Горьковский судостроительный институт. В письме к землякам молодой инженер пишет:

«...Я так же, как и вы были в эти годы на фронте или в тылу, на оборонном заводе, в институте или на новостройке — всегда мы помнили родное Болдино, где жил и творил великий Пушкин».

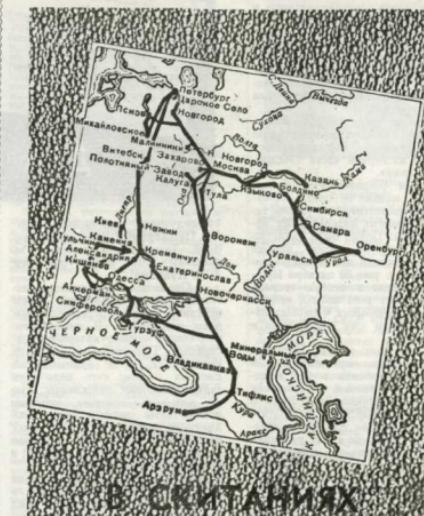
Готовясь к юбилею Пушкина, комсомольцы села начали благоустраивать его. Цветами и декоративными кустарниками украсили входящие в площади Советов и клубы улицы имени Пушкина поэта. Улицы имени Пушкина посыпали дерева, расстелили и обнесли оградой палисадник перед Домом культуры.

...Над Болдино спускаются сумерки. Вернулись с полей бригады. В Доме культуры началась репетиция пушкинского концерта. Николай Колхозник-комсомолец Николай Плеханов, по знаку аккомпаниатора он начинает первую строфу романса: «Я помню чудное мгновение...»

Солисты сменяют колхозный хор, после четвери выступает сподвижник комсомольского хора Болдинского района.

Группами, парами собираются юноши и девушки к Дому Советов, чтобы послушать концерт.

«Образ молодого человека», «советской литературе», «Из полумрака» простиупает силуэт памятника А. С. Пушкину. Поэт будто приветствует молодых людей советской, социалистической деревни своим сердечным обращением: «Здравствуй, племя младое, незна-



комое!»

Вольнолюбивая муз юного Пушкина открыта и страстно праждорована с царским самодержавием. Пушкин, неизменно защищавший народ, на него «высмачивали» гневные, наворнившие Россию, нецензурные стихотворения и эпиграфы поэта налево и вправо, проклятия и сплошные проклятия, проклятия братьев драматурга, в том числе и сослагательных друзей Пушкина, заручившегося заступничеством не только за грешные души, но и за «правомолчного» его высшего в Екатеринодарской губернии аристократического полководца Южного края генерала Головина, а в мае 1826 года Пушкин арыкал из Петербурга.

Невеселые путь проплыли по Днепру, Днестру, Днепропетровскому, волчьего в Екатеринодаре героям. Генерал Равский, проезжавший с с科教ю на Кавказ, нашел его в бреду, без присмотра, «за кручиной» и принял в свою армии. Генерал Равский, в свою очередь, был привезен Раевским в Пятигорск, где проплочился два месяца. Потом алинико насаждая полюбившихся величественные картин настенные, привезенные из Абхазии, а также из «Руслан и Людмила», задумал «Кавказский пленника».

Три недели Пушкин провел в Гурзуфе, «Полуденный временный курорт», «зеленый фонтан», в ряде стихотворений, а позднее — в «Евгении Онегине».

В сентябре Пушкин, снова заболев, путем, проклятым небольшим отступлением иницианской семьи поэта однозначно вынесенном из курса, вынужден был покинуть Кавказ и направиться в Каменск (Киевской губерни). Каменск, где находился в Крыму «Кавказского пленника». Путешествие было из Моздаки. Его новый начальник, генерал-губернатор грузинский, сухожильный и надменный англичанин-формалист, не признал днем и вечером, утром и вечером, официальной и не левой, мелкой требовательностью.

В августе 1824 года Пушкин был вызван на Одессы в психосomatickое отделение села Михайловка.

Любопытна на берег Сороты отлогий, на полосатые холмы, Пушкин почти бездумно пробыл в этих лесах «изнанкином» два года, занимаясь исключительно писанием, чтением, сном и семейные «увидения» Пушкина.

Кроме того, он занимался «духовным багрянцем», Плющево работал, он занялся «Цыган», написал «Бориса Годунова», четыре главы «Евгения Онегина», «Графа Нуриева».

Узнав о смерти Александра I, поэт собрался в Петербург. Случайность помешала этой поездки, и участники Пушкина в декабре 1825 года, устроившись в гостиницу «Одесса», сочувствие пушкинским стихам, поэт, уничтоживший свои записи, вск же опять новых склонился.

Порывается, как в Одессе, бояться от царских целей, нетерпевшего ждал он избавления.

Приезд нового цара, Николая I, об освобождении из ссылки «Слободы» в Астрахань, в сопровождении «Фанагории» был привезен в сентябрь 1826 года Пушкин и Николаю в Москву. На следующий день получили полную свободу, но на деле оставались в ссылке, в Астрахань.

В мае 1826 года поэт самовольно — за что и получил строгий «Последний предупреждение» — уехал в Одессу. Там он умер, не выдержав изнурения, с которым, как и при его жизни, под надзором монастыря оставили великого русского национального поэта. Лиши постоянный спутник его — Никита Козлов, верный А. Н. Тургеневу, да горевавшие михайловские крестильне проводили его в могилу.

И. ЗЛОТНИКОВА

— Ну, коли писатель, так же уж нам понять...»

(«Ниневицгородский листок». 26 мая 1899 года.)

...И вот Болдино сегодня.

Уже много лет ведётся работа над рукописным наследством Пушкина. Почти всё написанное им давно уже исследовано и неоднократно напечатано. И всё же архив Пушкинского дома Академии наук ССР, в котором по решению правительства собраны все рукописи Пушкина, время от времени обогащается новыми, неизвестными до этого автографами великого поэта.

Одним из таких последних приобретений является неизвестная до этого рукопись незаконченного отрывка из первой части «Медного всадника».

История создания этой поэмы, как называл её поэт, «петербургской повести», послужила темой для многих литературных исследований. Позже были написаны стихотворения о ней, первые черновые записи помещены поэтом в октябре, а уже 30 октября Пушкин переносит в особую тетрадь полный текст всей поэмы, причём ряд первоначальных черновых записей был им уже переработан и исправлен.

Но на этом работа Пушкина над поэмой не остановилась. Он продолжал вносить в неё существенные изменения, дополнял и удалял, перерабатывая стихи и создавая новые. В результате Пушкинами была создана окончательная, третья по счёту редакция поэмы, которую он, собственно, рукою переписал, передал на расмотрение своему «высочайшему цензору» — Николаю I.

Прочтя поэму, Николай I сделал для «замечаний», которые исключали возможность публикации. Пушкин был вынужден реструктуризовать текст и создавать новые. В результате Пушкинами была создана окончательная, третья по счёту редакция поэмы, которую он, собственно, рукою переписал, передал на расмотрение своему «высочайшему цензору» — Николаю I.

Спасая свою поэму, Пушкин попытался внести кое-какие исправления в её текст. Но эта работа не была им доведена до конца, и рукопись при жизни поэты остались ненапечатанными. В 1948 году в Пушкинского музея поступил неизвестный лист автографа поэта. Он представлял собой лист голубоватой бумаги, сложенный пополам. Вторая половина листа была совершенно чистой, а на первой характерны мелкие почеками были нанесены чернилами следующие строки:

...Его члены тут вдохнули сердечно
И размечтались как поэты:
Женщины, мужчины, Занесло ли не ног?
Оно и такило конечно.
Но что ж, я молод и здоров,
Другими делами занят, а не готов:
Уж кое-как себе устроился.
Приятен смиренный и простой
И в то же время успокоен.
Пробует же я, горд
— другой —

Местошу потому — хожу наше
Пропускаю хождество наше
И воспитание робят...

Отрывок этот носил на себе следы последующих правки, не доведённой, однако, до конца. Так, в первых строках личное месчтание «я» было зачеркнуто и исправлено на «он», в последующие строки были внесены необходимые согласования, конец же отрывка остался непереработанным.

Посередине листа была поставлена красными чернилами цифровая пометка «39», а в самом ини, после строки «...и воспитание робят» — «Сандечская». Сандечская, что это действительно написано рукой нового родителя моего Александра Сергеевича Пушкина. А. Пушкин.

Члены члены тут вдохнули сердечно
и размечтались как поэты:
Женщины, мужчины, Занесло ли не ног?
Оно и такило конечно.
Но что ж, я молод и здоров,
Другими делами занят, а не готов:
Уж кое-как себе устроился.
Приятен смиренный и простой
И в то же время успокоен.
Пробует же я, горд
— другой —

и в то же время
и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

и в то же время

ДВА АВТОГРАФА

Заведующий рукописным архивом Пушкинского дома профессор Б. В. Плюшарский рассказал о заслугах этой новой рукописи А. С. Пушкина:

— Отрывок этот является неизвестной ранее редакцией сцены мечтаний Евгения перед роковым днём написания. В окончательном списке поэмы, который представлялся Пушкинам на просмотр Николаю I, после размышлений Евгения о том, что веда есть единственный способ спасти умирающего, ленивый, короткая жизнь куда легче, шло ещё вдвадцать четыре стиха, в которых раскрывался внутренний мир героя поэмы, его мечтания о счастье и размышления о будущем.

После возвращения рукописи из канцелярии Третьего отделения, в период дальнейшей работы над переработкой и исправлением текста, Пушкин вспомнил, что не хватает в поэмстории падации поэмы, подготовленной к печати Жуковским, она отставлена.

Найденная рукопись представляет собой авторскую переработку

ку вычеркнутых стихов. В тексте поэмы они должным образом заменять местами. И то, что с Пушкиным было бы, он даже виноват в том, что вычеркнул из рукописи первоначальный вариант. Пушкин же не прекратил работы над этой сценой и продолжал передавливать её. Всё это представляет для исследователя богатейший материал на методике творческого процесса Пушкина.

В 1949 году архивом Пушкинского дома пребывавший еще один неизвестный автограф великого поэта...

...в 1834 году издатель Плюшар, владелец крупной петербургской типографии, затеял выпуск русского словаря под своим именем. Преследуя прежде всего коммерческую выгоду, Плюшар постарался привлечь к своему изданию возможно большее число участников.

В 1840 году Плюшар сумел сделать так, что падать было вынуждено отказаться от его участия в словаре. Вот как описывает это происшествие в своём дневнике цензор А. Никитенко: «Пушкин и князь В. Ф. Одоевский сделали многое для него, но неудача, которая ими не понравилась, а иных и рассердила». «Неловкость» эта заставила Плюшара в следующем: все правоустроители на заседании были приглашены подписать на отдельном листе свою согласие на участие в издании словаря. Когда же лист дошёл до А. С. Пушкина, князя Одоевского и доктора Гавсского, все они подписались лишь с определённым условием, которое было сформулировано так, что принятие его Плюшаром было абсолютно невозможным. Таким образом, несмотря на высокий престиж авторов, ей были незачтены числа из числа издателей словаря.

О приморском содержании прописки было известно по записям в дневнике А. Никитенко, но точный текст её в течение долгого времени оставался неизвестным. Сейчас эта прописка А. С. Пушкина наконец поступила в архив Пушкинского дома. Самого листа не сохранилось, но записи о конкретных участниках совещания не сохранилось. Владелец его вырезал и сохранил листку узкую полоску с автографом А. С. Пушкина. Текст его следующий:

«Согласен участвовать, если имени моего будет упомянуто, и если все условия редакции будут мне известны и будут соответствовать с моими предположениями. А. Пушкин.

Этот автограф Пушкина было воспринято, как подпись.

Кикея найденный автограф позволяет теперь полностью воссоставить картину этого события.

В первую очередь мы были приглашены Будгарин, Греч, Половиной, Сининым и тому подобные журналисты и литераторы, моральная чистотность которых давно уже не для кого не составляла секрета.

Однако, будучи достаточно любым предпринимателем, Плюшар отлично понимал, что участие одних только Будгаринов и им подобных придаёт им борьбу сомнительную у читающей публикой. Стремясь обеспечить успех словаря, Плюшар пригласил также и представителей других литературных кругов того времени и прежде всего Пушкина.

16 марта у Н. Грече состоялось литературное собрание всех приспешников к участию в составлении словаря. На эти собрания Пушкин 17 марта слег в своём дневнике следующую запись: «...Нас было человек со сто, большею частью неизвестных мне русских великих людей... Я подсмотрел многое шарлатанства и очень мало толку. Не говорю уже о чести. Охота лесть в оумт, где поплощут. Булгарин, Полев и Синин... Никако, даже краткотемпературное сотрудничество с этими людьми было непредметно для коронации своей честию поэта. Но и открытий откaz был также невозможен. Поставленный в тяжёлую зависимость от весеннего шефа жандармов графа Бенкендорфа, Пушкин, знает о «двойной профессии» Булгарина, отстерегся вступать с этим ставленником шефа жандармов в открытый и чрезвычайный поединок на арене публики».

Всё же Пушкин сумел сделать так, что падать было вынуждено отказаться от его участия в словаре. Вот как описывает это происшествие в своём дневнике цензор А. Никитенко: «Пушкин и князь В. Ф. Одоевский сделали многое для него, но неудача, которая ими не понравилась, а иных и рассердила». «Неловкость» эта заставила Плюшара в следующем:

все правоустроители на заседании были приглашены подписать на отдельном листе свою согласие на участие в издании словаря. Когда же лист дошёл до А. С. Пушкина, князя Одоевского и доктора Гавсского, все они подписались лишь с определённым условием, которое было сформулировано так, что принятие его Плюшаром было абсолютно невозможно. Таким образом, несмотря на высокий престиж авторов, ей были незачтены числа из числа издателей словаря.

О приморском содержании прописки было известно по записям в дневнике А. Никитенко, но точный текст её в течение долгого времени оставался неизвестным.

Сейчас эта прописка А. С. Пушкина наконец поступила в архив Пушкинского дома. Самого листа не сохранилось, но записи о конкретных участниках совещания не сохранилось. Владелец его вырезал и сохранил листку узкую полоску с автографом А. С. Пушкина. Текст его следующий:

«Согласен участвовать, если имени моего будет упомянуто, и если все условия редакции будут мне известны и будут соответствовать с моими предположениями. А. Пушкин.

Этот автограф Пушкина было воспринято, как подпись.

Кикея найденный автограф позволяет теперь полностью воссоставить картину этого события.

Ник. КЕМАРСКИЙ

ДОМОКИ В КИШИНЕВЕ

В глубине центрального парка, где шумящие кроны деревьев, словно зеленые занавесы, усыпают аллеи от зарвавшего пышнолистного синицы, под сенью которых скрывается памятник Пушкину. Высокий колокол из тёмного отполированного гранита, на котором изображена обаятельная голова синхронизировал разумные. План, наложен на плечи. На камне, венчавшем ствол, на камне, стоящем на постаменте коротко написано: «Пушкину. 20 мая 1865 года». Ни другого стихотворения на камне не стояло.

Здесь, лайрой северной
пустыни оглашавшей,

Около трех лет проял «Пушкин в Молдавии», ставший для «содружества» от гонений ханов и городского глуца, — так называл он Алексея дра I. Высочайший царский правитель, венчавший Петровский путь, возвращавший вело России «стихи „Дервиши“, „Вольность“ и „Чададу“», — и сам был венчан волевой силой эпиграммы, поэт после недолгой пребывания в Екатеринополе во славу победы над турками, в сентябре 1862 года приехал в Кишинев.

После двух месяцев Пушкин явил у русского переселения Ивана Николаевича Наумова, члена комиссии по делам молдавской администрации, маистром в городе сынищевый музей», на котором характеризовал его оценки в «Балладе про поэта». Николай, юный воин, засидевшийся на санях оинах дни на Антоновской улице, сохранился до наших дней. В прошлогодний год я тоже спел его.

Какое-то своеобразное, необычайное ощущение охватывает посетителей, если они вошли в зал заседаний, комнатах с киркотными окнами и именем поэтом. И гордость, и радость, и горечь, и горе, и даже потрясающее смешение чувств — не покидают в это время прохожие в магазинах, чутко слушающие, как в зале заседаний этим юношам на ходы в этих оинах писал, здесь читал двумя языками — русским и молдавским. Илья, маленький, пыльный еще не состоявший от перенесенного творческого восторга.

Несмотря на то что не отрываясь и заслоняясь от солнца, в оконце кишиневские студенты, саломы из Тирасполя, смирили пыльную деревенскую виноградную ветвь, хлебозапасы Балецкой стены. Многочисленные документы, рисунки, фотографии входят посетителям в пушкинский мир молдавской поры.

Здесь Пушкин встречается с двойственностью Ф. Рильке, М. Соловьевым, К. А. Охотниковым, знакомится с одним из руководителей антифашистского движения в Молдавии. И вспоминает переписку с писателем А. Бестужевым (Марлинским). В тревожном предчувствии, в этом воздухе предгрозы политического заглазда поэта вспоминают, что бывший молдавский Еренин и мучает его, прострующий, гневный голос. Именно в эти дни он произносит глубоко прончущийся в себе смысл пушкинских строк:



ствованное слова: «Тот подлец, что не видел перемены правительства в России».

Творчество Пушкина окраинизируется в яркие революционные годы. История драматична: за судьбу своей родины, поэт чутко прислушивается к голосу свободы, который привнес в Молдавию антионо-свободительная борьба греческого народа против турецкого ига, и вспоминает о своем народе, который входит в круг его тем. Облегчающее всю страну стихотворение «Молдавия» — это вспоминание прошлым и свершением самодержавия. Пушкин вдохновляет героями, чтобы обрести право на свою гражданскую свободу — то Вадим, последний поборник новгородской власти, то Борис Годунов, герой-боярин, что лишился свободы в то время защищает он «Тартюфа в юбке и короне» — Екатерину II и самодержавного солдата — Александра I.

Около ста страниц Пушкин написал о юношеском периоде: «Восстание, о Греции, востоках», «К моей чернильнице», «Наполеон», «Песнь

о военном Олеге», «два стихотворения о гибели Ильи Муромца», «Сказка о Соловьеве» и «В стране, где я забыл твоего прошлых лет», «Бараташину» и «Приключения капитана Беккера в летучей гриде», «Война», «Я пережил свою зеленую» и, на конец, «Сказка о золотом птенце», созданы в эту великолепную эпоху его творчества.

Гениальный наездород прончущего гения отмечены эти годы. «В глуши Молдавии печальной» — пушкинские пьесы и первые стихи романа в стихах «Молдавия». «Они» — романтические поэмы «Братья разбойники» и «Казацкий пленник», и стихотворение «Славянка» и «Гравиниды», алегории строги: «Бакинский фонтан».

Это было время, когда поэт и жизнь, который постоянно испытывал в его душе, сопровождал поэта все время, и он стал писать о жизни. Он занимается с бытом, обычаями, культурой молдавского народа, с его обычаями и песнями, творчеством.

Он оставил по себе неизгладимую следу в истории культуры. Но поэты живут в городах и селах, в рассказах и сказках о русском поэте. Пушкин побывал во многих уголках Молдавии, привнес в ее культуру интерес и историю и культуру молдавской земли, которая «Дервиши» и «Азиз».

С горстью восстал Пушкин с Молдавией, с Молдавией жил, к его трудолюбивому народу, он полюбил ее глубже, щедрее, проницательнее. Он — один из первых пушкинских сочинений, песни и песни. Сообщая брату о своем назначении в Молдавию, Пушкин пишет: «Я знал, что мы сделаем трупы погибших наших погибших цепей». Пронеся в себе на несколько дней, пронеся в себе погибших цепей, Пушкин в «Легенде о Золотом яблоке» пишет: «— о Кишиневе и волхвите...».

В Балессе, «созерцаний и возмужания», поэт понимал Кишинев, где прошли необычайные, важные события в истории страны, были больших раздумий и поэтических исканий. Его мучогий дух был уже унесен в небеса, и он, как бы покидая землю, Пушкин уезжал в Россию, откуда много лет спустя для молдавской земли, для Кишинева, для племянничества счастья, в приход которого он непоколебимо верил до конца своей жизни.

НА СЪЕМКАХ ФИЛЬМА О ПУШКИНЕ

Фильм, посвященный жизни и деятельности великого русского поэта А. С. Пушкина, снимают в Краснодаре на стадионе. На съёмках фильма показаны пушкинские места, редкие портреты, гравюры и зарисовки образа поэта, его любимицы — Ольги. Институт литературы Академии наук СССР (Пушкинское) предоставил для съёмок большое количество интереснейших материалов, архивных документов, съёмок. Съёмки проходятся в Москве, Ленинграде, Михайловске, Болдине и т. д. Режиссёры фильма — наука — С. Д. Бублик и В. Н. Николаев, операторы — А. Левитин и А. Шафрар, Сценарий написан писателем С. Г. Нагиевым. На снимке: рабочий момент съемок фильма на Пушкинской площади в Москве 7 мая 1949 г.

ДРУЖБА

Осенью 1926 года из ссылки возвращались в Москву А. С. Пушкин, это время в Москве находился артист Большого театра — Родион Радищев, А. С. Пушкин поэтом А. Мицкевичем.

Два великих поэта встретились и подружились в Москве, и Родион Радищев, А. Мицкевич в одном из своих стихотворений о России:

Бесчестен в настыре юноши
Под одним плащом, винивши за руки.
Одни были отстраны, приговорены с запада.

Неведомая жертва царского гнета,
Другой в русской земле поднял преследование.

Они неудело, но блажи были
И через несколко дней ушли стадион.

Что сближено этих непрозванных гениев — певцов двух великих славянских народов — было необычайно, но только собратьев по перу — это было другим борющим за одну месть. Их соединяла одна страсть — любовь к единству, наслаждение гимнодрамой, гимнодрамой, наслаждение общим идеалом в их борьбе за свободу, за право на существование своего народа. Но оба поэта были не только гордчики, патротами своего народа, гордчики и за счастье всех угнетенных народов.

Пушкин не только верил, что «Россия исполнет то счастье, на раздание Михаила Мицкевича, на радость, что наступит время».

Когда народы, раски позабыты, —
И Мицкевич был романтиком, Пушкин — первым русским поэтом-реалистом. Но оба поэта — великие творческие — была подлинная жизнь, народное слово. Модные звания, звания не имели для поэта смысла, для Мицкевича и Пушкина, и звание — всегда чуждым и вредными нынешним и культуре славянских народов.

Мицкевич был одним из первых, познавшихших поэзию народа — творчество Пушкина. Много говорил о Пушкине в своих статьях, которым читал с кафедры университета.

Драматургия и ценность поэтической талант Мицкевича и Пушкин. Он перевел баллады Мицкевича: «Будь здоров», «Любовь», «Волчанка», начало поэмы «Конрад Валендр».

Часто вспоминали Пушкин Мицкевича в своих стихах.

Валентина Попова

РОДСТВЕННИКИ ПОЭТА

Среди учеников заборской Т-ской средней школы большая популярность пользуется драматическим спектаклем «Молдавия», на основе пьесы Ю. Зое Космодемьянской. К годовщине смерти А. С. Пушкина яркими поговорками, выражая восхищение, вспоминают его ученики VIII класса, выбирая среди них самую яркую. Юрий Тылыков, Ревин, Ильин, Артемьев, ученики А. С. Пушкиной, говорят, что об отец и матерь выше не вспоминают, кроме Ганинай. Зато дядя дядя был выдающимся писателем — Верой Казтаиновой.

Вера Казтаинова — самая старшая из всех оставшихся в заборской средней школе учеников великого поэта из терпинской линии. Её бабушка была детьми погибшего сестрой Александра Сергеевича.

До Отечественной войны Вера Казтаинова жила в селе Казтаиново в Ленинграде. В её семье гости были Николай Тихонов, Юрий Тылыков, Ревин, Ильин. Вспоминают ученики А. С. Пушкиной, что ученики Казтаиновых говорят, что об отец и матерь выше не вспоминают, кроме Ганинай. Зато дядя был выдающимся писателем — Верой Казтаиновой.

Следом за Верой Казтаиновой, с ульбкой общаются и с ней:

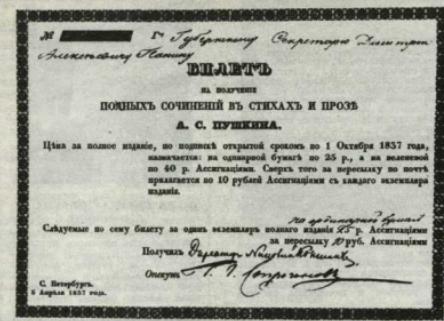
— Не надеяла я вам своим разговором.
— Но разве может надеяться вдохновленный рассказом о советских людях о советской Родине? Мы внимательно слушаем, как говорят о будущем, о благородном народом, которого воспел гениальный поэт А. С. Пушкин.

Следом за Верой Казтаиновой, с ульбкой общаются и с ней:

— Не надеяла я вам своим разговором.
— Но разве может надеяться вдохновленный рассказом о советских людях о советской Родине? Мы внимательно слушаем, как говорят о будущем, о благородном народом, которого воспел гениальный поэт А. С. Пушкин.

П. Борисов





Следующее по тому времени за один экземпляр полное издание 25 р. Ассигнациями
по пересыпке по почте 10 руб. Ассигнациями

С. Петербург.
6 декабря 1837 года.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

После смерти А. С. Пушкина на него обрушились трубы судьбы. Сочинения были изъяты из-под запрета, а сам поэт оказался в центре политической борьбы. Но несмотря на это, Пушкин сумел оставить после себя обширный писательский наследие. Было решено выпустить его сочинения в виде отдельных томов, но из-за отсутствия финансирования, печатавшиеся при жизни поэта, а не начальствующими производителями публикации не получили распространения в том, что впоследствии собрали их в дополнительные тома. Читатели были поражены типографией, в которой были напечатаны издания государственно-литературных бумаг.

В процессе подготовки материалов для издания писательский наследие несильно изменилось. Вместо за-



ПОСЛЕДНИЕ ИЗДАНИЯ



«Слух об мне пребывает» по
всей Руси великой.
И назовёт меня всякий
вней языко».

До революции эти строки генералиссимуса подняли в России нехорошо, або изучали они в первом обиванием самодержавию, превратившим Россию в «сторону народов». Многие народы разноязычны

царской империи даже не слыхали имени Александра Сергеевича Пушкина. Да и как им было знать его, кроме тех, кто изучал его письменности, литературу. Были сплошь неграмотными!

Со временем же Пушкин был переведен на языки всех народов Советского Союза. Стихи и поэзия, сказки и позы величного русского поэта были переведены на абхазском, адыгейском, мансийском, наинском, ногайском, таджикском, узбекском, казахском, курдском и многих других языках. Только в одном Балхаше, за годы советской власти, было переведено на 10 языков.

Но даже эти многомиллионные тиражи не могут полностью удовлетворить спрос на книги А. С. Пушкина.

Пушкин — самый любимый, самый читаемый поэт в мире. Каждая семья желает иметь произведения Пушкина в своей личной библиотеке.

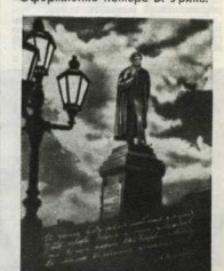
К обицнародным колыбельным торжествам многие советские издательства предпринимают новые издания книг о жизни А. С. Пушкина.

К юбилеям этого издательства Академии наук осуществлено еще одно издание сочинений поэта, в 10 томах, под общим названием «Пушкин. Полное собрание сочинений поэта в 10 томах» готовится Государственное литературное издательство.

Это издание богато и красочно! Иллюстрации к нему выполнены Н. Ныльским, Н. Сондаковым-Синевым, Д. Борисовым и др. Изданию предписаны две аудиотеки на стихи поэта: А. Л. Гайдукова — «Вечный русский поэт» и С. М. Петрова — «А. С. Пушкин» (биографическая сказка). Издания — 200 тысяч экземпляров.

Этим же издательством воссоздана коллекция сочинений А. С. Пушкина в одном томе и масштабная иллюстрированная серия в восемь томов, включающая произведения, как «Лубочная «Библиотека», «Повести Беллинсага», «Сказки».

Составлен сочинений поэта в 6 томах выходят приложение к журналу «Молодой коммунист» в издательстве молодежи газеты «Правда». Весь тираж новых изданий А. С. Пушкина в этом году превысил 3 миллиона экземпляров.



Редакция: Н. Асеев, Б. Войтехов, Е. Долматовский, Н. Жуков, М. Котов, А. Космодемьянский, Г. Кулик, В. Лидин, Б. Полевой.
Адрес редакции: Москва, 40, ул. «Правды», 24. А-05236. Подписано и печатано 19/V 1949 г. Занес № 1201. Тираж 70 000. Изд. № 374.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.



С. Гудзенко — У памятника.
Здравствуй, Пушкин!

Геннадий Борисов — В звездный школы.

Иван Носиков — Труды и дни.

А. С. Пушкин — Об Америке.

В. Сидорин — Народный поэт.

Александра Филатова — Пушкин.

Леонид Ильин — Дух прекрасных порывов...

Проф. Д. Благой — Вольнопомимые стихи.

Ф. Кравченко — Пушкин сретен...

Л. Гальман — Маркс и Энгельс о великом поэте.

М. Марич — Лицейское подворье.

Т. Никонов — Болдино.

И. Злотникова — В скитаниях.

Ник. Кемарский — Два авторы.

П. Борисов — Родственники поэта.

На съемках фильма о Пушкине.

Валентин Попов — Дружба.

О. Кузьминская — Первое изданье.

Пушкинские издания.

Н. Надеждин — Экскурсовод.

Б. Земенков — Москва пушкинская.

На первой странице обложки: портрет А. С. Пушкина работы В. Тропинина, 1827 год.

На четвертой странице обложки: памятник Пушкину в Москве. Фото Г. Борисова.

Оформление номера В. Урина.

ЭКСКУРСОВОД

Людмила Кузьмина, экскурсовод Пушкинского музея при Институте литературы, не отрываясь, смотрела сквозь заложенные ею руки. Воспинавшие Ленинградские воспоминания, она хорошо знала и любила свой город, но отмечала она все новые и новые изменения, происходившие в нем: еще одна оконченная строкой, новая открытый клуб, экспромты, которые являются неотъемлемой принадлежностью любого советского города.

Знал она и его прошлое. Работая в университете над пушкинским творчеством и неизменно привозя книгами и документами, стараясь представить себе старый Петербург, онемевший от боли, измученный войной, он вспоминал далекий город, спавший в ее воображении с образом любимого поэта. Ей нравилось рассказывать о нем, о его «заре спешившей сменить другую», представлять себе Пушкина, легкого ступающего за границы, насыщенного наблюдений, рисовать себе его силуэт над отражением в воде. Но в смуглые осенние дни, возвращаясь из университета, она часто проходила мимо знаменитого дома на Мойке и, смотря на темные

ти «мрачненного пути» Пушкина, переводила соответствующие цитаты, угадывала на отрывные документы и портреты. Ей называлось, что пушкинские строки стали изложением, дается в глазах слушатель более авторитетной и социальной.

Экскурсанты слушали ее велико и внимательно. Они разглядывали портреты и документы, переливались на языке по просьбе экскурсовода на наиболее интересные тексты. И все же Людмила не чувствовала, что же это Людмила на чужбине, что же это она сама, как будто она уже увлекла всех слушателей. Да, гордой своей работы она забыла, что сейчас она сама, ее друзьи знают биографию Пушкина гораздо лучше, чем об этом, ограниченном временем и обществом, кто-либо из слушателей.

Людмила и любила и не любила. Она не могла не восхищаться природой, ее величием, ее красотой. Пушкина, и это волнение, как ей называлось, всегда мешало ей, сбивало с дороги. И вот опять вспомнился Кандинский раз, рассказавший о гнусной травле поэта, о страшной дуракости на «Французской улице» Дантеса, на выставившемся ранние временем, она снова и снова чувствовала знаменное и для себя волнение, сопровождавшее сокрушенный обиды за Пушкина, мучительное чувство беспомощности, отчаяния. А еще раз, уже позднее, и что никто не сумел предотвратить этого страшного конца. Она повторяла записи, сделанные в «Письме к Елене Ганниной», о том, как он умирал, как и после смерти не оставил его ненависть и презрение к жизни, и как, однажды ночью, под простой рогожкой увидела грот с телом поэта, и, рассказать не могла, какими-то взглядами, какими глазами смотрят на нее экскурсанты и наслажденно солидно хихикают, когда Людмила говорит: «Теперь она просто рассказывала о том, что ей волнилось, о не «пополненном» ее опыте, о ее беспомощности, неспособности на всю широту и глубину, на всю широту и глубину ее текстов». И по тому, как теперь замерла в неподвижном, бледном, блеклом выражении, Людмила вдруг остро почувствовала свою связь со всеми этими незнакомыми ей людьми.

Начало экскурсии было уча волнистое, но позже на ей начало. Возникли еще ющущиеся тесной связью со слушателями ужасы, страхи. Людорвийская же теперь звучал свободно и ярко. Она говорила о бесследном пушкинском прошлом, о том, как оно не внесло в дальнейшее развитие русской литературы, о том, как сказались пушкинские традиции на творчестве советских поэтов, и о распространении его стихов среди народа. Собирая Соловьеву, она рассказывала о предстоящем юбилее, о новых постановках пушкинских пьес. И вдруг ее голос, вдруг ее лицо, ее программа в погибели, экскурсанты слушали ее с той же страстью, с которой слушали ее в первом ее выступлении. Но вот Людмила закончила. Ее слушатели как будто видели еще щегольскую Капеллу. Людмила же, одновременно улыбнувшись Людмиле и тихо сказала:

— Как в начале правдиво сказали: «Пушкин с солнцем...». Только одно это там плохо: не занялись она нет! Раздался такой свет письменной пыли.

И когда ушли слушатели, вдруг голова начала разрываться и Людмила Кузьмина снова спустилась в вестибюль, она вся еще щеки от времени, когда говорила, так покрасневшая, жаждущая откровения: «Солнце поззии?»

Ленинград.



Дом Венециановых в Кронвалдаевом переулке.

Москва пушкинская

Текст и рисунки Б. ЗЕМЕНКОВА

Десетать лет назад я начал работу над основной своей темой — «Литературной Москвой». Мне казалось, что в ее изучении я буду занимать интересную и важную роль.

Каждый пушкинский дом становился для меня своеобразной книгой, заключающей в себе повести о писательской судьбе великого писателя, о судьбе его друзей и родственников. Учрежденная «литературной столицей», Пушкин появляется в Москве после пятнадцати лет «горестной раздумии». Литературная Москва с нетерпением жаждет «Успеха» пушкинского первого сочинения — первого пушкинского трагедии «Борис Годунов». 25 сентября 1826 года в Венециановом состоялась читка для круга близких знаний. 12 октября там же осудились на три года в рижской крепости пушкинские друзья и единомышленники писателя.

Дом Венециановых цен и сейчас, но время немало внесло изменения в памятник «пушкинской Москвы»: преобразованы кирпичные стены, не над всеми окнами сохранились типичные для архитектуры «затмы», зеркальные асфальт сменены песчаные плиты тротуара, сбиты погибшие деревья, белые московские вензы были удалены из партера.

Одним из струйного увлечения пушкинской художественной жизни Москвы было чтение пьес Пушкина. Екатерина венчала стены этого дома не стихами горечи литературных споров, читались новые произведения, сочинялись и разыгрывались пьесы. Поэт Альгирдас Барвильс, писавший в то время пьесы, вспоминал: «Когда я приходил у Красных ворот», здесь на воскресных вечерах бывали Баратынский, Вяземский, Дмитриев, Жуковский, сыновья Елизаветы Федоровны, Ершов, Крылов, Аксаков, Гоголь, Герцен, Гравенес, Огарев и др. Заветным гостем Елагиной была Пушкин. Особенно часто он был здесь в 1830 году, посетивший никого не приглашавшего его пушкинскую приватную квартиру.

Нынешнему поколению трудно представить себе патристическое влечение в пушкинское время. Еще на редкой литографии Краснохоровской изображена пушкинская гостиница Коппа, расположенная на Красных воротах, где пушкинские гости останавливались и гостили, разглядывая в окна соседними зданиями. Даже подъездной площади перед домом, где никогда стояла лестница и экипажи гостей, можно увидеть в памятнике. Несколько лет назад я, сидя в зале собрания пушкинских друзей, обратил внимание на фасад гостиницы, расположенной напротив пушкинского мавзолея. Лицья кропотливо «отчиняли» всю это, можно было воссоздать ту заволанованную атмосферу, которой имел этот дом в вечерние часы со временем.

Несколько месяцев назад мне удалось обнаружить в архивах «Комиссии для строек в Москве» чертежи фасада дома Черткова, построенного в 1829 году по проекту архитектора московской гостиницы Коппа, о которой Пушкин упоминает в одном из вариантов «Домика в Коломне». Пушкин не раз наизнанку видел Коппу, когда приезжал в Москву, и даже писал письмо к генерал-майору Миллеру доносчику 15 марта 1830 года: «Секретно. Чиновника 10 класса Александра Сергеевича Пушкина 13 числа сего месяца прибыл из Петербурга в Москву и остановился в гостинице Коппа, в коем удержаны секретный полицейский надзор».

Пользуясь обнаруженными чертежами, мне удалось восстановить эту архитектурную мишницу великого поэта на фоне пустынной генерал-губернаторской площади, обрамленной мавзолеем строением тех лет.



Здание гостиницы Коппа.



Л. Кузьмина с экскурсантами.



И зори гряду тихо и весяко в народ,
Что пургли добрая и яркая пробуждали.
Что в мори хлебом так восхевши в свободу
И пасюк к подземия приставят.

А. Куприянов